

ЎТМИШГА НАЗАР

5 ЖИЛД, 9 СОН

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

ТОМ 5, НОМЕР 9

LOOK TO THE PAST

VOLUME 5, ISSUE 9

ТОШКЕНТ-2022

Бош муҳаррир:
Главный редактор:
Chief Editor:

Муртазаева Рахбар Хамидовна
тарих фанлари доктори, профессор,
Ўзбекистон Миллий университети

Бош муҳаррир ўринбосари:
Заместитель главного редактора:
Deputy Chief Editor:

Джураева Нилуфар Далибаевна
тарих фанлари номзоди, доцент,
Ўзбекистон жаҳон тиллари университети

ТАҲРИРИЙ МАСЛАҲАТ КЕНГАШИ | РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ | EDITORIAL BOARD

Сагдуллаев Анатолий Сагдуллаевич
тарих фанлари доктори,
профессор, академик,
Ўзбекистон Миллий университети

Бобожонова Дилором Бобожонова
тарих фанлари доктори, профессор,
Ўзбекистон жаҳон тиллари
университети

Юнусова Хуршида Ёркиновна
тарих фанлари доктори, профессор,
Ўзбекистон Миллий университети

Кебадзе Мадонна
тарих фанлари доктори,
Телави давлат университети

Аширов Адхам Азимбаевич
тарих фанлари доктори, профессор,
ЎзР ФА Тарих институти

Агзамова Гулчеҳра Азизовна
тарих фанлари доктори, профессор,
ЎзР ФА Тарих институти

Бурдиашвили Майя
тарих фанлари доктори,
Телави давлат университети

Кожакеева Ляззат Темировна
тарих фанлари доктори, доцент,
Хотин-қизлар давлат педагогика
университети

Ульжаева Шохистахон Мамажоновна
тарих фанлари доктори,
Тошкент кимё - технология институти

Дорошенко Татьяна Ивановна
тарих фанлари номзоди, доцент,
Ўзбекистон Миллий университети

Бабаджанова Нодира Абдуллаевна
тарих фанлари номзоди, доцент,
Ўзбекистон давлат жаҳон
тиллари университети

Ширванова Тарана Амирага кызы
тарих фанлари номзоди, доцент,
Азербайдон давлат
иқтисодиёт университети

Гофоров Шокир Сафарович
тарих фанлари доктори, профессор
Самарқанд давлат университети

Эргашева Юлдуз Алимовна
Тарих фанлари доктори, профессор,
Қариш муҳандислик-иқтисодиёт
институти

Теймураз Ахалмосулишвили
тарих фанлари номзоди, профессор,
Телави давлат университети

Халикова Рахбар Эргашевна
тарих фанлари доктори, профессор,
Тошкент давлат техника университети

Ишанходжаева Замира Райимовна
тарих фанлари доктори, профессор,
Ўзбекистон Миллий университети

Эшов Боходир Жўраевич
тарих фанлари доктори, профессор
Қариш давлат университети

Махкамova Надира Раҳмановна
тарих фанлари доктори, профессор,
Тошкент ахборот технологиялари
университети

Абдуллаева Яхшибека Атамуратовна
тарих фанлари доктори, доцент,
Нукус давлат педагогика институти

Мустафаева Нодира Абдуллаевна
тарих фанлари доктори
Ўзбекистон Фанлар академияси

Ерметов Аваз Абдуллаевич
тарих фанлари доктори, профессор,
Ўзбекистон Миллий университети

Джоробекова Айнуэр Эшимбековна
тарих фанлари номзоди, профессор,
Қозогистон дипломатия академияси

Раҳмонкулова Зумрад Бойхуразовна
тарих фанлари номзоди, доцент,
Ўзбекистон Миллий университети

Расулов Абдуллажон Нуриддинович
тарих фанлари доктори, профессор
Наманган давлат университети

Ковалев Борис Николаевич
тарих фанлари доктори, профессор
Санкт-Петербург Тарих институти

Кобзева Ольга Петровна
тарих фанлари доктори, профессор,
Ўзбекистон Миллий университети

Ауанасова Алима Мусировна
тарих фанлари доктори, профессор,
Қозогистон давлат тарихи институти

Бегалинова Калимаш Капсамаровна
фалсафа фанлари доктори, профессор,
Қозогистон Миллий университети

Хайдаров Муродилла Махмудалиевич
тарих фанлари доктори, профессор,
Ўзбекистон Миллий университети

Алнева Лале
тарих фанлари доктори,
Озарбайжон давлат университети

Санпова Камола Давляталиевна
тарих фанлари доктори, доцент,
Ўзбекистон Миллий университети

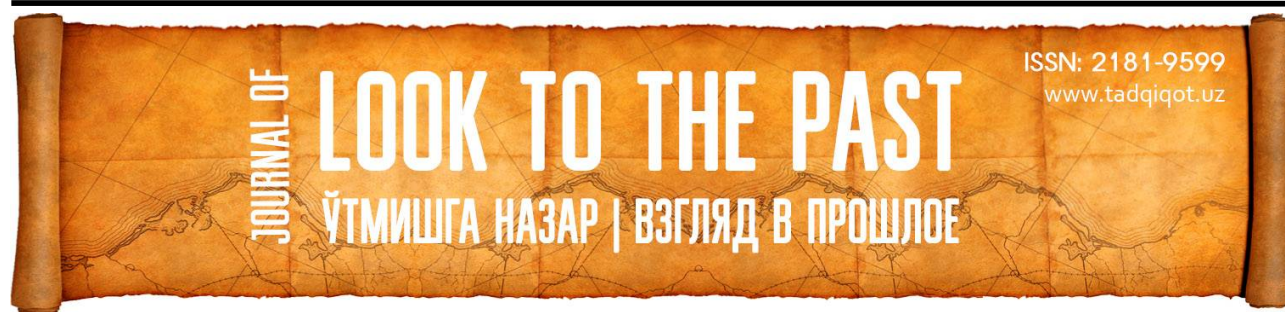
Исмаилова Алмаз
тарих фанлари доктори,
Догистон мустақил университети

Иноятowa Диларам Маниглиевна
Тарих фанлари доктори (DSc)
Ўзбекистон Миллий университети

Одилов Абдор Анварович
тарих фанлари номзоди, доцент,
Ўзбекистон Миллий университети

Толибоева Нодира Одиложоновна
Тарих фанлари бўйича фалсафа
доктори (PhD), Ўзбекистон жаҳон
тиллари университети

1. Тамара Юсуфовна Красовицкая АНГЕЛЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: «НЕМНОГИЕ НАУЧИЛИСЬ СМОТРЕТЬ В РАСКАЛЕННУЮ ТОПКУ» (МАЛО ИЗУЧЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ЭТНОКУЛЬТУРНОМУ МНОГООБРАЗИЮ РОССИИ).....	4
2. Алишер Сабилов ГЕРМАНИЯ ТАРИХ ФАНИДА ОҒЗАКИ ТАРИХ (ORAL HISTORY) ТАДҚИҚОТЛАР ТАЖРИБАСИ.....	29
3. Dilafro‘z Qurbonova, Zilola Shodmonxo‘jayeva, Nodira Xasanova O‘ZBEKISTON TARIXI DAVLAT MUZEYIDAGI ZARDUSHTIYLIKKA OID MODDIY ASHYOLAR TARIXI.....	40
4. Laziz Baxtiyorov AMIR TEMUR BOG‘LARINING QURILISH TARIXI.....	45
5. Сарвар Илхомович Ботиров БУЮК БРИТАНИЯДА МАРКАЗИЙ ОСИЁГА ОИД ТАДҚИҚОТЛАРНИНГ ИЛМИЙ НАШРЛАРДА ЁРИТИЛИШИ.....	49
6. Алишер Дониёров, Алишер Насимов ЎЗБЕКИСТОННИНГ ЖАНУБИЙ ҲУДУДЛАРИДА ЭТНОГРАФИК ТАДҚИҚОТЛАР ТАРИХШУНОСЛИГИ (1930-1950 ЙИЛЛАР).....	58
7. Zebiniso Zaynabiddinova AKADEMIK I.YU.KRACHKOVSKIY IJODIDA O‘RTA ASRLAR ARAB ADABIYOTI.....	68
8. Munisa Muxamedova, Latofat Jabbarova, Oyto‘raxon Yo‘ldoshxo‘jayeva FARFOR VA FAYANS KOLLEKSIYALARINING EKSPERTIZASI, ATRIBUSIYASI VA MUZEYLASHTIRILISHI.....	72
9. Эркин Раджапов ЎЗБЕК МИЛЛИЙ ҲАРБИЙ КАДРЛАР ЭЛИТАСИНИНГ ҚАТАҒОН ЭТИЛИШИ.....	80
10. Комил Раҳимов ҚАДИМГИ МАРҒИЁНАНИНГ БРОНЗА ДАВРИ ОШХОНА ЎЧОҚЛАРИНИНГ ЎРГАНИЛИШИ ВА УЛАР БИЛАН БОҒЛИҚ МУАММОЛАР.....	89
11. Холмурод Сориев АМИР ТЕМУР ЖАНГ САНЪАТИДА ҲАРБИЙ ҲИЙЛАЛАР ТАРИХИГА ОИД БАЪЗИ МАЪЛУМОТЛАР.....	96
12. Наргиза Хасанова, Шахризода Исмадова МИЛЛИЙ МИНИАТЮРА ИХТИСОСЛИГИДА ТАЪЛИМ АНЪАНАЛАРИ (Камолиддин Беҳзод номидаги Миллий рассомлик ва дизайн институти мисолида).....	102

Тамара Юсуфовна Красовицкая,
д.и.н., профессор ИРИ РАН (Москва)

**АНГЕЛЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: «НЕМНОГИЕ НАУЧИЛИСЬ
СМОТРЕТЬ В РАСКАЛЕННУЮ ТОПКУ» (МАЛО ИЗУЧЕННЫЕ ПОДХОДЫ К
ЭТНОКУЛЬТУРНОМУ МНОГООБРАЗИЮ РОССИИ)**

For citation: Tamara Y. Krasovitskaya, ANGELS OF CULTURAL POLICY: "FEW HAVE LEARNED TO WATCH INTO A RED-HOT FURNACE" (LITTLE-STUDIED APPROACHES TO THE ETHNOCULTURAL DIVERSITY OF RUSSIA). Look to the past. 2022, vol. 5, issue 9, pp.4-28

 <http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.7026854>

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена новому подходу к анализу специфики культурной политики в первые послереволюционные годы. Впервые основное внимание обращено на освещение фигур (выдающихся деятелей многонациональной культуры), принимавших участие в формировании этой политики. Они заслуживают огромного внимания, но остаются в тени партийных руководителей. Задачи органов управления, сформулированные в партийных программах, государственных декретах и декларациях, а также механизм взаимодействия самих структур, их полномочий с корифеями культуры плохо осмыслены. Колебания в правильности решений, отказ от, казалось бы, устраивающего подхода, сочетание образованности, талантливости (творческой, политической, административно-управленческой, и т.д.), политических пристрастий создают особую, плохо осмысленную атмосферу, в которой испытывались идеи этнокультурных практик. Большевики выступали модернизаторами, жесткими и бескомпромиссными, не жалеющими средств и жертв для успеха «социалистической модернизации». Механизм взаимодействия двух наркоматов – Наркомнаца и Наркомпроса создал для писателей, поэтов, театральных и пр. деятелей культуры сложные управленческие коллизии в культурной политике в реальном времени. Их невозможно отделить от общих задач, которые решала РКП (б). Нужно констатировать необходимость специальных исследований, в которых тема культурной политики получила бы комплексное освещение в политико-культурных репрезентациях и их формах реализации.

Ключевые слова: специфика культурной политики, модернисты в структурах Наркомпроса и Наркомнаца, управленческие коллизии, политические пристрастия, творческие и политические коллизии.

Tamara Y. Krasovitskaya,
Doctor of Historical Sciences,
Professor of the IRI RAS (Moscow)

ANGELS OF CULTURAL POLICY: "FEW HAVE LEARNED TO WATCH INTO A RED-HOT FURNACE" (LITTLE-STUDIED APPROACHES TO THE ETHNOCULTURAL DIVERSITY OF RUSSIA)**ABSTRACT**

This article is devoted to a new approach to the analysis of the specifics of cultural policy in the first post-revolutionary years. For the first time, the main attention is paid to the coverage of figures (prominent figures of multinational culture) who took part in the formation of this policy. They deserve a lot of attention, but they remain in the shadow of party leaders. The tasks of the governing bodies formulated in party programs, state decrees and declarations, and the mechanism of interaction of the structures themselves, their powers with the luminaries of culture are poorly understood. Fluctuations in the correctness of decisions, rejection of a seemingly satisfactory approach, a combination of education, talent (creative, political, administrative and managerial, other), political preferences create a special, poorly understood atmosphere in which the ideas of ethno-cultural practices were tested. The Bolsheviks were modernizers, tough and uncompromising, who did not consider the means and sacrifices for the success of "socialist modernization". The mechanism of interaction between two People's commissariats – the People's Commissariat and the People's Commissariat for Education has created complex managerial collisions in cultural policy in real time for writers, poets, theater and other cultural figures. They cannot be separated from the general tasks that the RCP (b) solved. It is necessary to state the need for special studies in which the topic of cultural policy would receive comprehensive coverage in political and cultural representations and their forms of implementation.

Index Terms: specifics of cultural policy, modernists in the structures of the People's Commissariat of Education and the People's Commissariat of Education, managerial conflicts, political preferences, creative and political conflicts

Отечественная историография уделила много внимания изучению советской культурной политики первого десятилетия, сконцентрировав его на содержании директивных партийных нарративов, но оставив громадные лакуны о том, кто собственно формировал их содержание, дифференцировал по сферам культурнической деятельности.

«Кадровый состав» первых управленцев, если исключить А.Луначарского, М.Покровского, Н.Крупскую, не охарактеризован. О Д.Штеренберге как прекрасном художнике известно многое, но что мы знаем о нем, как о политическом руководителе ИЗО Наркомпроса? В.Мейерхольде – руководителе ТЕО? В.Брюсове - руководителе ЛИТО? А кто разрабатывал правовую базу национально-культурной политики? 25 июля 1918 г. В.Ленин подписал надиктованный еще 12 апреля декрет СНК РСФСР «О борьбе с антисемитизмом и еврейскими погромами», подчеркнув особую остроту проблемы, Комитет по борьбе с антисемитизмом возглавил М.Горький[1]. Решения VIII, X и XII съездов РКП (б) о помощи отсталым народам и их культурам И.Сталину содержали политические задачи, но не объясняли механизмов их применения.

В революционном Петрограде, полном модернистов разного толка, ницшеанцев-психоаналитиков, богоискателей, приверженцев новых религиозных течений и пр. одни призывали разрушить цивилизацию и вернуться к первобытной жизни, другие предсказывали нашествие азиатской культуры. Сплоченным отрядом модернисты перешагнули порог Наркомпроса. Революция означала их торжество. Настал их звездный час. С апломбом называют они модернизм, авангардизм, футуризм, супрематизм передовыми и передовейшими «революционными течениями». А.Луначарский, опасаясь их дерзких стрел, считал: в будущем нового человека и нового общества они разбираются. Их слушают внимательно, их манифесты публикуют, нужно распределить их по управленческим механизмам политики. В ноябре 1917 г. при Наркомпросе РСФСР создана Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников, в мае 1918 — Музейный отдел, к нему перешли все музеи. В ходе развития Наркомпроса коллегия его сочла необходимым иметь особый литературный отдел, который параллельно тогдашним ИЗО, МУЗО и т.д. был бы

регулятором литературной жизни страны. 11 декабря 1919 г. коллегия Наркомпроса утвердила положение о ЛИТО: «Во главе этого отдела мы поставили Брюсова», пишет нарком[2]. М.Волошин видел в В.Брюсове «человека, затаившего в себе великую страсть ... Страсть изваяла его как поэта, та опасная страсть, которая двигала Наполеонами и римскими завоевателями, — воля к власти... Брюсов — поэт-завоеватель, создатель империи, установитель законов и пограничных знаков»[3]. В.Ходасевич считал: «Брюсову представлялось возможным прямое влияние на литературные дела; он мечтал, что большевики откроют ему долгожданную возможность “направлять” литературу твёрдыми административными мерами. Если бы это удалось, он мог бы командовать писателями, без интриг, без вынужденных союзов с ними — единым окриком». В коллегия ЛИТО вошли Блок, Горький, Иванов, Балтрушайтис, Серафимович, Айхенвальд. Крупская выступала категорически против: нарком «даёт громадную власть в руки кучки людей, власть укреплять свое литературное направление, навязывать его массам и подавлять всякое новое направление, порождаемое новой жизнью»[4].

Луначарский понял: Брюсов мало годился для этой службы. Никакой «власти» он не получил: «Коммунисты предпочли сохранить диктатуру за собой, а не передать ее Брюсову, который, в сущности, остался для них чужим и которому они, несмотря ни на что, не верили... Несмотря на все усердие, большевики не ценили его... Оставался Брюсов - служака, которого и гоняли с "поста" на "пост", порой доходя до вольного или невольного издевательства»[5]. «Анатоль» пояснял: «Через несколько времени его заменил другой писатель-коммунист с более ярко выраженной радикально-революционной, уже тогда в некоторой степени "напостовской" позицией — тов. Серафимович»[6].

Нарком по национальным делам И.Сталин еще не понимал, как относиться к модернистам. Духом бунтарства веяло из кабинетов и его наркомата. Посланцы с этнических окраин взирали с любопытством на политические проекты Наркомпроса, централизация ресурсов в нем среди прочих им нравилась меньше всего. Каждой культуре тем и интересно было осознать свою уникальность, начиная поиск возможностей для самоопределения. В Туркестанском наркомпросе местные федералисты искали общий язык с русскими социалистами. Тукрамус во главе с Чокаевым был организацией младотуркестанцев - радикалов, подвергшихся влиянию русской культуры. Их энергия направлялась на борьбу за переустройство жизни местных народов на европейских началах. А.Цаликов, обобщая поступавшую информацию из центрально-азиатского региона в сентябре 1917 г. констатировал: "русское общество и русская печать не в достаточной степени оценивают ту позицию, которую заняло в переживаемый момент мусульманское население России"[7]. Писатель С. Айни, выдающийся таджикский джадид, описывает немало конкретных фактов российского влияния на жизнь Бухары, поэт А.Р. Фитрат, как и Айни, симпатизировал России и ее прогрессивным мероприятиям в Бухаре. Важные перспективы открывает публикация новых документов о сотрудничестве А.-З.Валиди с этими и другими среднеазиатскими интеллектуалами[8], а также об отношениях А.Фитрата с выпускником Петроградской консерватории В.А. Успенским, В.М. Беляевым, приобщавших музыкальных модернистов к среднеазиатскому фольклору[9].

В 1922 г. удмуртский поэт К.Герд писал Брюсову. «Пишет Вам — вотяцкий поэт. Я думаю, Вы знаете вотяков, народ финского племени, обитающий в Приуралье. ... Главная цель того, что я счел бы за счастье завязать с Вами, с моим любимым современным русским поэтом, переписку, это — обратить Ваше внимание ... если бы только нашелся чуткий русский поэт, то какие роскошные, доселе невиданные образцы вотяцкой поэзии он мог бы дать русской литературе»[10].

Из перечисления первого ряда теоретиков и практиков отечественного модернизма, заполнявших кабинеты Наркомпроса, видно: большевики рассчитывали на помощь левого крыла фрондирующей до 1917 г. элиты. Большинство их утверждали: культура - идеал исканий Серебряного века! С первых дней об этом кричали газетные тексты, плакаты, листовки. Модернисты прислушивались к правительственной риторике, показавшей

склонность выдавать желаемое за действительное, особенно в том, в чем, считали они, разбираются лучше. Это касалось **будущего нового человека и нового общества** – основных культурно-политических задач большевиков. Эти-то задачи и предстояло детализировать применительно к возможностям культурных инструментов: слова, образа и пр. Основная их задача сохранить власть в государственном музыкальном, театральном и прочем строительстве! К.Коровин заметил: «Весь русский бунт был против власти людей распоряжающихся, начальствующих, но бунтующие люди были полны любоначала; такого начальствующего тона, такой надменности я никогда не слыхал и не видал в другое время. Это было какое-то сладострастие начальствовать и только начальствовать»[11]. В сентябре 1918 г. А.Белый поступил на службу в организацию, обладающую большим могуществом — Пролеткульт. Там он оказался между молотом и наковальней: его связь с кружком пролетарских поэтов «подвергалась всяческому осмеянию, клевете»: «Одни видели в ней лишь „службу начальству“, другие — коварную агитацию „буржуазного специалиста“, деморализующего стихию пролетарской культуры»[12]. Пушкинист Н.Лернер иронизировал: «Широкий путь России гению / Сулят счастливые ауспиции / Уж Гумилев стихосложению / Китайцев учит из милиции».

Луначарский устанавливал правила игры, учреждал лояльные структуры. Н.Гумилев, работая в издательстве «Всемирная литература», понял, это лишь кабинеты власти. «Весной 1918 года – пишет В.Ходасевич, - началась советская служба и вечная занятость не тем, чем хочется и на что есть умение: общая судьба всех, проживших эти годы в России. Работал сперва в театральном-музыкальной секции Московского Совета, потом в Тео Наркомпроса, с Балтрушайтисом, Вяч. Ивановым... С конца 1918 г. заведовал Московским отделением "Всемирной Литературы". Эту работу, скучную, очень "административную", едва дотащил до лета 1920 года, когда пришлось бросить и ее» [13].

1 июня 1918 г. О.Мандельштам по рекомендации Луначарского поступил в Наркомпрос заведующим подотделом художественного развития учащихся в отделе реформы высшей школы с окладом 600 рублей [14]. Чуть позже журнал «Свободный час» назвал его «молодым поэтом, пристроившимся в комиссариате». 7 апреля М.Кузмин записывает в дневнике о встрече с ним, направляющимся в Мариинский дворец, «гордым своим новым назначением»[15]. Когда Наркомпрос переехал в Москву, Мандельштам, его «тоска по мировой культуре» смыкалась с философской идеей Ф.Ницше о вечном повторе исторических событий и событий единичных человеческих судеб (уходят на холмы, «как Римом недовольные плебеи»), о вечном повторении процесса сотворения мира[16], перебрался в новую старую столицу, поселился Метрополе, где проживали советские чиновники. Там он, кажется, единственный раз в жизни лицом к лицу столкнулся с Лениным[17]. «Музыкальный алхимик» А.Лурье, заведовавший соседним, с мандельштамовским, МУЗО видел: «Символы истории, символы государственных форм, имели над ним неограниченную, магическую власть», но в исторические факты и формулы московской земли Мандельштам вносил живой быт парижской эпохи: «Здесь клички месяцам давали, как котяткам», писал он[18]. Дзига Вертов в 1918 г. работал в отделе хроники Москинокомитета. Н.Пунин, одна из сложнейших фигур русского авангарда, труднейший для интерпретации автор в российской интеллектуальной истории, размышляя над соединением модернистских и тоталитарных дискурсивных практик, служил в ИЗО (1918–1919). Вместе с В.Маяковским он входил в редсовет газеты «Искусство коммуны» (1918), был заместителем директора ГИНХУКа. С декабря 1918 по декабрь 1920 г. заведующим музыкальным сектором в Наркомпросе (Петроград) работал татарский журналист, окончивший медресе в Троицке, А.Т.Гисматуллин, в Туркестанско-Башкирской дивизии пропагандируя советскую власть. В 1921 г. Г.Рошаль назначен председателем художественного совета Главсоцвоса Наркомпроса.

Дружившие в университетских аудиториях, в молодости писавшие вместе стихи, пьесы и романы, стали злыми, острыми на язык, не щадящими, высмеивая и всех подряд, и друг друга. Читатели их обожали! Лариса Рейснер, секретарь (с сентября 1917 г.) А.Луначарского, позже напишет: «учились ... смотреть, не мигая, в раскаленную топку, где в пламени

ворочались побежденные классы, и целые пласты старой культуры превращались в пепел... Смотрели не отворачиваясь»[19].

Сотрудничество с большевиками давало возможность и относительно пристойного существования, многим понятно – временного. В Наркомпрос шли «состояться» (и прокормиться!) бывшие студенты, делившиеся за рубежом на «русское партийное студенчество» и «интеллигентно-академических» студентов. Будущий организатор Института истории искусств В.П.Зубов упоминает среди них Т.Г.Трапезникова, зная его по учебе в Германии. Они встретятся после 1917 г. в Наркомпросе: тот возглавит подраздел провинциальной охраны памятников искусства и старины. Это «талантливый историк искусств, нервный, тонкий, всегда изысканно одетый человек, с подлинно аристократической, несмотря на купеческое происхождение, внешностью». Зубов пишет: «Я имел несчастье свести его с Рудольфом Штейнером, тогда теософом, впоследствии антропософом... Я-то скоро его покинул, а бедный Трапезников у него застрял, отправился с ним в Швейцарию ... и, кажется, почувствовал себя пророком. Словом, свихнулся человек. Когда, после октябрьской революции, Штейнер, не разобрав, в чем дело, сначала приветствовал большевиков, Трапезников приехал в Москву и стал помощником Наталии Ивановны Троцкой, заведовавшей музейным отделом. Скоро, однако, Штейнер одумался и объявил большевиков исчадьем ада, но для Трапезникова было уже поздно»[20]. Философа Ф.Степуна, с началом гражданской войны призванного в Красную армию, Луначарский направил заведующим репертуаром при Показательном театре революции в Москве. «Неблагодарный» Степун считал: этой пролетарской культуры «и быть не может; культура требует языка, а у пролетариата, как и у каждого класса, есть только терминология». Его сразу уволили за «явное непонимание сущности пролетарской культуры»[21].

Нужда в модернистской элите (в меньшей степени) и прагматический интерес к ней (куда в большей степени) руководства страны, основывалась на разных эмоциях и «пользах». Пренебрегая пропастью между политической верхушкой и теми, кто шел сотрудничать с ними, Л.Троцкий в поэте А.Безыменском видел «сына революции Октябrevича»[22]. Маяковский называл этого «бородатого комсомольца» морковным кофе[23]. «Красный Лев революции» видел пользу в стихах на злобу дня, отвечавших партийной линии[24]. Результат такой «пользы» порождал только примитивные и банальные продукты. М.Булгаков позже увидел в Безыменском поэта Ивана Бездомного и поместил поэта в сумасшедший дом.

Модернистские идеи казались перспективными в хаосе ломки не только прежних правил, но и государственных границ Восточной Европы, Османской империи, что, конечно, укладывалось в ленинскую теорию мировой революции. В 1918 г. В.Хлебников направил в СНК «Декларацию творцов», чтоб поэты «были объявлены вне нации, государства и обычных законов». «Поэты, - писал он далее, - должны бродить и петь»[25]! «Ангелами революции» называл их левый критик Б.Арватов.

Многих модернистов ужасало лицо революции, но верилось: она искупит человеческие грехи и станет началом нового мира. Идеи «оптимистического Апокалипсиса» выражала теория «мирового расцвета» П.Филонова в его «Цветах». Картины сотрудника отдела ИЗО В.Кандинского, К.Малевича из Музейной комиссии Художественной коллегии ИЗО прорастали в нечто прекрасное из рассыпающегося на куски мира. Это психологически соответствовало состоянию многих. «Фантазии» описывали футуристические пейзажи, в которых над Сибирью неслись скоростные поезда-экспрессы, демонстрируя контраст между полу-спящей природой и строящимся новым миром[26]. Внимание модернистов к острым спорам о создании нового человека ориентировалось на поиск глубинных оснований личности, оправдывавших существование, смысл человеческой жизни. Это могло быть и подсознание, которое определяет реальную жизнь «Я» (у З.Фрейда), и классовая принадлежность, которая определяет мышление и поведение человека (у К.Маркса), и вера, от которой зависит не только счастье человека, но и ход истории вообще (у С.Франка), и воля как основание всякой жизни и истории (у Ф.Ницше), и духовное начало (у В.Соловьёва) [27]. Луначарский искал «пользу» в метафорах «ницшеанского марксизма», в инструментальном отношении к

человеку настоящего, в замене этических принципов идеалом эстетическим. Он, бывший «богостроитель», как и другие «нищестроители марксисты», по сути, политические максималисты, понимал, зачем ему модернисты: адаптировать нищестроительскую концепцию для утилизации Нового мифа, Нового мира, Новых форм искусства, Новых мужчин и женщин, Новой морали, Новой науки. Нищие украшали их политическое воображение и политические решения для защиты и укрепления власти. Новые формы искусства должны были творить прекрасную иллюзию, которая выдавалась за правду. Символистские техники обхода разума и прямая апелляция к бессознательному, призыв к театру, посвященному мифотворчеству и коллективному творчеству будут восприняты советской пропагандой[28].

Среди общих мест советской пропаганды еще различался голос прежней культуры. В 1918 г. с помощью Горького удалось наладить выпуск массовой серии «Народной библиотеки», работу издательства «Всемирная литература». 2 марта 1920 г. Чуковский записал в дневнике: «Вчера заседание у Гржебина — в среду. Я, Блок, Гумилев, Замятин, Лернер ... Блок взялся проредактировать Лермонтова — и, конечно, его работа прекрасна... но статья написана не в популярно-вульгарном тоне, как нужно Горькому, а в обычном блоковском, с напрасными усилиями принизиться до уровня малокультурных читателей. Для Блока Лермонтов — маг, тайновидец, сновидец, богоборец; — для Горького это “культурная сила”, “двигатель прогресса”, здесь дело не в стиле, а в сути. Положение Блока — трагическое. Чем больше Горький доказывал Блоку, что писать надо иначе: “дело не в том, что Лермонтов видел сны, а в том, что он написал ‘На смерть П<у>шк<ина>’, тем грустнее, надменнее, замкнутее становилось измученное прекрасное лицо Блока. <...> Горькому очень дорого: популяризация. Он никак не хочет понять, что Блок создан не для популяризации знаний, а для свободного творчества, что народу будет больше добра от одного лирич<еского> стихотворения Блока, чем от десяти его же популярных брошюр, которые мог бы написать всякий грамотный полу-талант, вроде меня»[29]. Ф.Степуна увлек изданный в России (1918 и 1922 гг.) «Закат Европы» О.Шпенглера. В.Кантор упоминает: Бердяев предложил Степуну прочесть о нем доклад на публичном заседании Религиозно-философской академии. Это имело «очень большой успех... Книга Шпенглера... с такою силою завладела умами образованного московского общества, что было решено выпустить специальный сборник посвященных ей статей. В сборнике приняли участие: Бердяев, Франк, Бушпан и я. По духу сборник получился на редкость цельный»[30]. Сборник, культуртрегерский по своему пафосу, вызвал резкую реакцию Ленина «Т. Горбунов. О прилагаемой книге я хотел поговорить с Уншлихтом. По-моему, это похоже на “литературное прикрытие белогвардейской организации”. Поговорите с Уншлихтом не по телефону, и пусть он мне напишет **секретно**, а книгу вернет. Ленин»[31]. Последовала высылка «философским пароходом» многих интеллектуалов из Москвы, Петрограда, Киева, Казани, Тифлиса.

Луначарский в серии обращений использовал интонацию Временного правительства. Термин «культурная политика» еще следовал тенью за политическими практиками, был способом согласования интересов участников процесса: художника, публики, общества и государства. Материалом рефлексии становились различные «эпохи» и их «парадигмы». Уточнению времени появления термина «культурная революция» и наполнения его содержанием будет посвящено большинство теоретических исканий советских историков[32]. Но время появления и автор термина остались дискуссионными...

Ставились вопросы о сломе традиции, разрывах преемственности, сдвиге культурных парадигм, отказе от привычных репутаций, переписывании одновременно болезненного и продуктивного исторического движения. В такой атмосфере разрабатывалась серия декретов о судьбе и будущем российских культурных ресурсов.

Модернисты, возглавляя в Наркомпросе РСФСР структурные подразделения, выступали доминантными политическими регуляторами в целом, государственным спонсором политических проектов. Каких только названий структур, участвующих в разных политических практиках, не было у Луначарского! Медицинско-санитарный отдел, возглавляемый В.М.Бонч-Бруевич (Величкиной), женой В.Д.Бонч-Бруевича, издавал ее

рассказы о швейцарском учителе Г.Песталоцци, полезную, конечно, брошюру известного сотрудничеством с П.И.Рачковским М.В.Головинского «Беседа дедушки о болезни “сыпной тиф”»[33]. В репертуарной секции, секции исторических картин интеллектуальное сочетание, художественное творчество и аналитические рассуждения Н.Гумилева, О.Мандельштама, В.Жирмунского, Б.Эйхенбаума, Р.Якобсона увязывались с политическими лозунгами времени или восставали против них[34]. Кипели споры вокруг плана монументальной пропаганды, судьбы академических театров и пр. В коридорах встречался руководитель отдела реформы школы В.Познер с маузером на боку, М.Покровский и другие реформаторы школы, увлекая встречных на заседания, превращая их талант в сложные и непредсказуемые паттерны научной и личной жизни.

Относительно Р.Якобсона вопрос основательно описала М.Ю.Сорокина, приведя важные факты и о других модернистах в Наркомпросе. Д.Н.Ушаков 30 апреля 1920 г. на заседании Московской диалектологической комиссии отметил «Р.О. Якобсон. К вопросу о нац<иональном> самоопределении», вероятно, последнем публичном выступлении Якобсона в РСФСР. Якобсон в итоге «сдельных» опытов участия понял: принцип самоопределения народов есть не что иное, как «фразеологический факт русской революции»[35]. Свои карьерные пируэты Р.Якобсон описал в сентябре 1920 г. сестре Л.Брик Э.Каган: «...не одну, десять жизней пережил каждый из нас за последние два года. Я, к примеру, был за последние годы — контрреволюционером, ученым, и не из худых, ученым секретарем заведующего отделом искусств Брика, дезертиром, картежником, незаменимым специалистом в топливном учреждении, литератором, юмористом, репортером, дипломатом, на всех романических *emplois*»[36].

В издаваемых декретах административный ресурс нацеливал освобождать культуру от ее традиционных элементов. Декларировались лозунги и для реализации практик политической свободы. Многие участники процесса не впишутся в «государственное культурное строительство», их сдвинут с советской политической столбовой дороги в боковые «кулисы». Как и самого наркома, не оценившего коридора своих возможностей.

Но в этом развале, приводившем в ужас, возникали «полезные структуры», вбирающие в себя разные ресурсы и институты, хотя еще не понятно, как их собственно, пристроить к делу.

В 1921 г. появился ГАХН (РАХН) – претендент на роль главного научного эксперта культурной и научно-художественной жизни страны, элемент советской культурной политики, институции общеевропейской, но советского типа, подчиненной Наркомпросу. 7 октября 1921 г. председатель Академического центра М.Н.Покровский утвердил состав академии. ГАХН в 1923—1929 гг. организовала 191 выставку на территории СССР экспонируя кустарное творчество, национальную литературу и изобразительное искусство народов СССР. Во втором Уставе академии, утвержденном 5 августа 1926 г., в ее задачи включено: «синтезирование искусствovedческих наук в трех основных направлениях: социологическом, психофизическом и философском; тесное сближение с современностью в научном исследовании и практической деятельности» и пр.[37]. Физико-психологическое отделение ГАХН возглавил В.В.Кандинский, философское отделение - Г.Г.Шпет, социологическое отделение В.М.Фриче, литературную секцию М.О.Гершензон, театральную секцию Н.Е.Эфрос, музыкальную секцию Л.Л.Сабанеев и др. В 1927 г. при ГАХН создан отдел по изучению искусства национальностей СССР. План работы академии включал изучение искусства национальностей: современное состояние искусства национальностей; традиций, под влиянием которых определилось творчество национальностей; этнических особенностей в их художественном выражении; социально-экономических условий, которые повлияли на развитие творчества национальностей в особенности в послереволюционную эпоху[38].

Амбициозные этнические элиты из ближних «кулис» внимательно рассматривали это пространство, над которым гремели грозы модернистов. Белорусские, грузинские, украинские, якутские социалисты-федералисты видели пользу синтеза национализма с мировой революцией, интересуясь все же формами управления современными институтами культурой.

Данные о национальных элитах уточняют масштаб картины[39]. Наркомпрос Луначарского служил трамплином в карьере для тех модернистов, кто стартовал с большевиками. Об опыте общения с советским НКВД летом 1918 г. Якобсон рассказал Б.Янгфельдту в 1977 г. историю, которая только поначалу кажется фантастически-хлестаковской: якобы летом 1918 г. Якобсона разыскивали сотрудники НКВД, чтобы выяснить содержание термина «языковые границы»[40]. Его использовала украинская делегация П.П.Скоропадского на переговорах о новых границах с советской Россией. Если учесть, что в НКВД тогда большим авторитетом был гениальный лингвист Евг.Поливанов, сюжет вполне вписывался в контекст: «Переговоры с Украиной Скоропадского — принцип самоопределения. Плебисцит — объективные этнографические признаки — диалектологическая карта. Переговоры с окраинными государствами — объективные этнографические критерии. Но от провозглашения принципа самоопределения народов до диалектологической карты — дистанция огромного размера. Это настолько очевидно, что при обсуждении подготовительных материалов к русско-латышским и русско-польским переговорам — лингвистические, диалектологические аргументы всячески избегались, хотя оперировали почти исключительно с языковыми границами. Одиозный термин "языковая граница" сознательно подменялся термином "граница этнографическая"». Якобсон отмечает «единственный революционный момент, связанный с современным национальным движением, — выход на арену европейской культурной работы новых кадров. Что касается принципа государственного самоопределения в его первоначальной формулировке, то естественным выводом был плебисцит». И важное уточнение Якобсона: «В настоящий момент плебисциты не в интересах советской власти, ибо они фальсифицируются. Поэтому, если в Польше возобладает точка зрения федералистов, настаивающих на плебисците, эта точка зрения встретит со стороны советской власти отпор». Якобсон «уловил» неискренность обеих сторон[41].

Важную роль играли декреты СНК, в частности, о переходе на григорианский календарь на территории, находившейся под контролем советской власти. Декрет от 26 января 1918 г., вводя «новое летосчисление», преследовал цель объединить российское и европейское время в общее политическое пространство, игнорируя этнокультурную, конфессиональную и цивилизационную (Восток-Запад) специфику. Католики и протестанты уже жили по нему на оккупированных территориях (Прибалтика, Украина). А.И.Щербинин назвал это формированием матрицы политического времени, признав в «Советском календаре на 1919 год» не только первый политический опыт в стиле русского модерна, но и неожиданно осторожный подход большевиков к управлению восприятием времени[42].

В Наркомпросе по-разному видели, что, зачем и для кого реформировать или заново созидать. Одни хотели благ для народа, другие для трудящихся, третьи только для пролетариата. В зависимости от этого отодвигались или сдвигались остальные задачи культурной политики. На начальной стадии большевики сосредоточились на секуляризации, централизации институтов культуры, управлении ими. Первые советские декреты «перепахивали» этнические границы культурного пространства страны, невзирая на реакцию носителей культурных ресурсов. Тверской губпролеткульт конфисковал в декабре 1918 г. предметы интерьера Виленского дворца, вывезенные отделом по литовским делам губоно руководствуясь классовым принципом: «Не имеется данных о том, что данные вещи являются собственностью народа, и не представляют никакой ценности и исторического значения»[43]. Но «перепахивая» календарные границы, отмечая границы личного пространства (собственности, права и т.п.), политики останавливались перед границами, установленными разными графиками, языками, школьными практиками.

Культурно-реформаторские движения имели свои планы. Лидер мусульман А.Цаликов считал: мусульмане останутся «особой культурно-исторической формацией, особой группой населения свободной России и, как таковые, могут иметь особые общие мусульманские идеалы и интересы»[44]. Историк С.А.Пиотровскому даже в 1928 г. в Кисловодске «бакинцы говорили: ... у них ряд ответработников-партийцев оказались ... руководителями Мусовских

партий»[45]. Еврейский комиссариат Наркомнаца в декабре 1918 г. подчеркивал главную цель еврейской школы: освободить детей «из ужасной тюрьмы, от полной умственной деградации и физического вырождения». Но группа еврейских писателей в 1921 г. отвергала такую политику: «В катастрофе, постигшей Россию, мы усматриваем неизбежное следствие ... многолетней истории русской государственной действительности ... Тлетворная болезнь ненависти и злобы к населяющим великую страну народностям, веками подтачивала ее внутреннюю силу... Ничего удивительного в том, что вместо твердого обязывающего призыва к новому строительству в жизни русский народ, давно подготовленный к этому, принял разнузданное всеразрушающее слово демагогии ... Будет ли найден Россией путь к возрождению? Мы, сыны русского еврейства, всей душой желаем этого. Но одно нам ясно. Этот путь будет найден ни Деникиными и Григорьевыми, ни Петлюрами и Буденными, ни Шульгиными и Суворовыми, ни Лениными и Троцкими, за каждым шагом которых тянется длинный кровавый след»[46].

В 1918 г. Сталин не возражал (да его и не спрашивали) против перехода культурно-просветительных отделов национальных комиссариатов в Наркомпрос. Ему не до армянских, белорусских, эстонских и прочих театров, не до комиссии по еврейским научным знаниям и пр., и пр., и пр. Достанет и того, что с 1918 по 1920 г. Наркомнац выпустил 700 книг на 20 языках, их тираж составил 12 млн. экз.

Уровень претензий со стороны этнокультурных сообществ был различный.

Организатор I Всебелорусского съезда (декабрь 1917 г.) в Смольном Е.Канчер перед съездом беседовал с Лениным и Луначарским:

«Луначарский. Понимает ли белорусский народ тот язык, на котором выступают белорусские деятели с приветствиями и декларациями?

Канчер. Не понимает.

Луначарский. А имеют ли белорусы свой язык для национализации школы и учреждений?

Канчер. Белорусское национальное движение, возглавляемое Белорусской Великой Радой, выработало белорусский язык, отличный от русского и народного белорусского, но очень близкий к польскому. В народе, среди учителей и белорусов восточной ориентации этот язык абсолютно не популярен. Белорусский Областной Комитет полагает, что автономная Белоруссия может существовать с тем языком, какой она знает и признает своим. Что касается национального языка, то он будет создан народом, как только выяснится в этом потребность.

Луначарский. Следовательно, школа и учреждения не национализируются?

Канчер. Школа и учреждения могут переходить на белорусский язык годами, по мере создания языка. Но они могут с таким же успехом укреплять русский язык, если этого желает народ.

Ленин. Вы правы. Язык – дело не срочное, тем более что белорусы уже веками рождаются и воспитываются в русской культуре.

Канчер. И в польской – в западных губерниях.

Ленин. Это и есть ориентация, о которой вы говорите?»[47].

В Наркомпросе перешедшие из Наркомнаца структуры встретили не с распростертыми объятиями, задвинули в самый дальний угол. Модернизм в национальных литературах существовал в виде отдельных феноменов, что объясняло взгляд на белорусский, например, язык как на язык «холопский» в отличие от «панского» польского или «культурного» русского в белорусской литературе[48]. Термин «украинский модерн» со своими импрессионистами, футуристами и символистами, известными живописцами-авангардистами, космизмом рано ушедшего А.Мурашко возник из противостояния культурников-украинофилов и мятежников – модернистов[49], во главе с социалистом-федералистом С.Ефремовым (секретарем межнациональных дел), историком украинской литературы (был заместителем М.С.Грушевского). Армянский спюрк разделял вызовы модерна в политическом пространстве армянской культуры.

Востоковед И.Ю.Крачковский предостерегал от «привнесения чуждых понятий в самобытную концепцию»[50]. Явления и процессы в разных культурах имели структурно-содержательные различия, «которые не могут быть осмыслены в общих суждениях», находились в ситуации фундаментальной неопределенности[51]. Специфически это выражалось в активности политических и культурных элит выстраивать как общесоветское, так и собственное пространство. Он предложил качественно новый подход к изучению связей между христианскими и мусульманскими сюжетами, сочинениями авторов разных конфессий. В конце XX в. подход, предполагающий комплексное исследование авраамических религий, уже не вызывает удивления и активно используется научным сообществом, но в начале века - это направление выступало, конечно же, как новаторское.

Культурные проекты центра отодвигали на второй план специфику этнокультурных ресурсов, на первом плане были политико-идеологические задачи. Однако местные элиты активно возражали. Чувашская элита в школьной программе заявляла: «1. Дело образования чуваш впредь должно вестись на началах культурного самоопределения нации; 2. Чувашский народ должен быть обеспечен государством желательными для него национальными школами разных типов и ступеней». Для детей, обучающихся в чувашских начальных школах, основным языком преподавания на все годы должен стать чувашский язык. Русский язык изучается с первого класса и «занимает место как предмет изучения». Особо подчеркивалось: изучение должно быть качественное. Решено было увеличить продолжительность курса чувашских начальных школ на один год в сравнении с русской начальной школой. Учителя должны быть «природные чуваша» либо знающие язык и традиции народа. Те, кто не окончил чувашскую учительскую семинарию, должны сдать экзамены на знание языка и методики преподавания предметов. Там, где проживает чувашское население, должны быть созданы особые отделы по школьному образованию чувашей, ведающие всем начальным образованием чувашей. Это должен быть либо чуваш, либо знающий язык и традиции. Находясь на финансовом балансе уездного земства, работники должны подчиняться специальному центральному координирующему органу, который заведует делом образования чувашского населения на уровне начальной школы, выбирается на учительских съездах и находится на финансовом балансе государства.

В системе среднего образования преподавание для чувашей должно вестись на русском языке из-за недостатка учебников на чувашском языке и знающих язык учителей. В учебных заведениях среднего звена предлагалось изменить учебные программы «на основах, соответствующих национальным потребностям чувашского населения». Предлагалось срочно открыть учительские семинарии в Тетюшах и Уфе, преобразовать Шихранскую учительскую семинарию, построенную по русскому типу, в чувашскую учительскую семинарию. Подобные семинарии будут находиться в системе единой средней школы, но кандидатов на должности директоров и преподавателей семинарий будут рекомендовать чувашские съезды и общество[52].

Кстати, будущий комиссар искусства в Киеве Н.А.Прахов (1918 г.) вспоминал как он, и не только он, неоднократно слушали в Берлине лекции будущего наркома Луначарского. В Берлине Анатолий - малоизвестный корреспондент, теперь же он – Анатолий Васильевич – вершитель судеб – нарком просвещения. Заняв ответственный государственный пост, он призывал к творческой инициативе, привлекая массы к занятиям искусством. О таких слушателях К.Бальмонт писал: «Перед подобной аудиторией за все трехлетие большевизма мне не довелось выступать ни разу. Коммунистические комиссары, из боязни моего свободного слова, коего я никогда не утрачивал, ни разу не допустили меня до солдат и рабочих, и в этом ... они были куда прижимистее, чем царские губернаторы»[53].

Плебейское («гнусный волапюк», по Б.Зайцеву, утилитаризм, которому оказались причастны ученые и педагоги с «бухгалтерским» подходом к слову[54]) упрощение наркомом социальных различий в культурных нормах раздражало. А.Блок (театрально-литературная комиссия ТЕО) заметил: «Луначарский хитроват и легкомыслен. Но очень много верного и не интеллигентского (что особенно важно)»[55]. Вяч. Иванов в 1918 - 1920 годах на руководящих

постах в ТЕО и ЛИТО и в Государственном издательстве, близок О.Д.Каменевой и пользовался личной благосклонностью Луначарского. То же, что и Блок, отметил в Луначарском Л.Н.Андреев в письме В.Л.Бурцеву 9 сентября 1919 г.: «Он съел огромное количество образованных людей, умертвил их физически, уничтожил морально своей системой подкупов, прикармливания... Он трус и чистюля, ему хочется сохранить приличный вид и как можно больше запутать людей, зная, что каждое новое “имя”, каждый профессор, ученый интеллигент или просто порядочный человек соответственно уменьшает его личную ответственность. Если даже Нерона многие одобряют за любовь к искусству, то как же ему, Луначарскому, не создать некоего “золотого века”, рая художников и режиссеров, рая, который так приятно контрастирует с черной чрезвычайкой и придает Л[уначарскому] вид исключительного джентльменства. Светлый луч в темном царстве — так, вероятно, он сам мыслит про себя, ибо... он человек пошлый и недалекий»[56]. Вырвавшись из страны, К.Бальмонт писал: «Луначарскому как человеку, за одно благое душевное движение, и двум-трем другим лицам, сумевшим заставить чрезвычайку выпустить меня из разбойничьего стана, я искренно признателен, и никак не могу не чувствовать признательности, хотя знаю все их коварство и иезуитскую ложь... С Луначарским как комиссаром ...у меня ничего нет общего»[57]. Ленин, называя Луначарского «миноносцем легкомысленным», защищал его, позволяя использовать модернистов для создания «компетентных художественных штабов», но помнил тяжелые споры отколовшихся с Богдановым на Капри от него.

Луначарский оставил под личным руководством отделы ЛИТО, ИЗО, ТЕО. Степун видел его «штаб» крайне пестрым, во многом авантюрным. Немало было острейших творческих конфликтов. Своего «Авиатора» Малевич определил «заумным, но не безумным реализмом». «Авиатор» — это созданный им нереальный мир, он живет по своим законам вопреки здравому смыслу. Вокруг фигуры человека было пространство без верха и низа, в нем расположены фигуры-символы, понятные только автору, вдохновленному новейшими достижениями науки и техники, урбанизмом, индустриализацией. Это подходило новой власти. В октябре К.Малевич избран председателем общества «Бубновый валет». В ноябре 1917 г. московский Военно-революционный комитет назначил его комиссаром по охране памятников старины и членом Комиссии по охране художественных ценностей, в т.ч. кремлевских, членом Художественной коллегии ИЗО. Его миссионерские амбиции (Уновис[58], коллективы СГХМ, основы «Всемирной армии Новых искусств») требовали преобразовать мир через форму и цвет. Безусловный харизматик и стратег, человек демиургической воли Малевич был в крайне сложных отношениях с В.Е.Татлиным, также работавшем в ИЗО в 1918–1919 гг. Другой член Художественной коллегии ИЗО, вице-президент РАХН В.Кандинский, пионер беспредметности, писал: «художник есть рука, которая посредством того или иного клавиша целесообразно приводит в вибрацию человеческую душу». Эту «полудиктатуру левых в Наркомпросе» (по Луначарскому), их реальную независимость «усмирять» и заменять управляемостью и подконтрольностью нарком позвал знакомого с парижских времен Д.Штеренберга. Он считал: «надо было ... найти симпатию молодежи и опереться на нее, прежде всего пополнив ее ряды из пролетариата и полупролетариата. С этой программой полностью был согласен мой старый друг, присоединившийся к Советской власти, левый бундист, выдающийся живописец, широко известный русскому художественному миру в Париже, честнейший человек, умевший также быть авторитетным, когда надо, тов. Д.П.Штеренберг... Безусловно преданный Советской власти ... тов. Штеренберг немедленно и энергично принялся за освободительную реформу в русском искусстве... Решительный модернист, нашел в своей деятельности поддержку почти исключительно среди крайних левых»[59]. Довольно скоро для плетения своего политического полотна у Луначарского стали «перехватывать» модернистов другие советские бонзы. Увидел их пользу Л.Троцкий, Н.Бухарин и др. И.Эренбург свидетельствовал: «Приехав в Москву, я виделся с т. Бухариным, рассказал ему о происшедшей во мне перемене и о моем желании активно работать»[60].

Но примеров и авантюризма предостаточно. Из банальных, например, сын английской акварелистки И.А.Владимиров, противник модернизма, подсмеивался над мирискусниками. Написав несколько картин в их манере, под финским псевдонимом он отдал на выставку, удостоился лестных похвал А.Бенуа. В конце выставки Владимиром письмом в газету разоблачил интригу. И.Репин приветствовал его «великолепную шутку над нахальными мазилками и жалкими пигмеями». Вскоре Владимир стал бытописателем революции: пьяных красногвардейцев откровенно гротескного вида, солдат-вандалов в Зимнем дворце, крестьян, растаскивающих барское добро, хамоватых люмпенов и прочих персонажей, полотна изображали «темную сторону событий и далеких от прославления»[61]. Став активным членом АХРР, Владимир создавал историко-революционные полотна («В.И.Ленин на митинге», «Ленин и Сталин в Разливе»).

Тяга к модерну в той или иной форме проявлялась во всех культурах. Известный татарский богослов Г.Баязитов на рубеже веков считал: нет «какого-нибудь тормоза к культурному развитию, препятствия, мешающего мусульманину стать в ряд культурных европейцев. Мы смело можем утверждать, что Коран, Шариат могут идти рядом со всеми благоразумными реформами»[62]. Осмысление идеалов модернизма прочно застряло в неоднозначном отношении к нему этнических элит. Нарком просвещения Туркестанской АССР С.Ш.Абдусатаров 4 декабря 1919 г. писал А.В.Луначарскому: «До тех пор, пока старый кумир не свергнут, идеи социализма и коммунизма не могут быть укреплены в алтаре обывательского миропонимания. Туркестан еще спит; бог безраздельно властвует над ним»[63]. Применительно к практикам кровной этничности интернационализм был доктринально хрупкой и эмоционально неустойчивой конструкцией. Под ним чаще подразумевалась нетерпимость к ресурсам традиционной культуры. Он с трудом вмещал в себя компромисс между признанием природного различия наций и их равноправием. Но марксизм с инженерным подходом к общественным отношениям казался оптимальным для российско-византийской культурной политики. Троцкий видел: «интернационализм Ленин никак не формула словесного примирения национального с интернациональным, а формула международного **революционного действия**»[64]. Луначарский уточнял: пролетариату удастся «чрезвычайное и новое цветение ... отдельных национальных черт искусства и быта, ... огромный взаимный интерес национальностей друг к другу», утвердится «принцип братства отдельных народов»[65]. Член ЦИК Советов Украины, народный секретарь труда Н.Скрыпник считал: «Мир, прежде всего, означает национальный вопрос, право наций на самоопределение». Один из создателей Донецко-Криворожской республики С.Васильченко 27—30 января 1918 г. на IV областном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в Харькове возмущался: «Скрыпник двумя ногами стоит на национализме. Прав Сандомирский: что-то одно: либо социалистическая революция, либо вы погрязнете по колено в национализме»[66]. 1 апреля 1918 г. Сталин писал: «...если мусульмане требуют автономии, нужно им дать ее, выговорив безусловное признание Советской власти в центре и на местах, нужно немедленно основать при Бакинском Совдепе мусульманский отдел, широко развить мусульманскую литературу...»[67].

Объектом внимания этнических элит, осваивающих кабинеты в новых коридорах власти, становятся новые символы и идеалы культуры. До 1917 г. из Поволжья и Кавказа многие ездили в Турцию, на арабский Восток, посещали Мекку, Медину, изучали культуру, обычаи народов, публикуя очерки о путешествиях. По крайней мере, через арабский, персидский и турецкий языки, на которых разговаривало население мусульманских стран, они приняли от модернистов слова и понятия: парламент, конституция, республика, демократия. В России через земли, населенные мусульманами, уже прокладывались железные дороги, в городах появились трамвайные линии, технические новинки типа автомобиля, телефона или кинематографа. Многие интересовались новыми веяниями, символизмом, импрессионизмом, стремясь психологически обогатить художественные приемы, обращались к модернистским приемам, ориентированным на самовыражение человека, его чувственного мира. Размышляя над соблазнами тех лет, Н.Коржавин считал: для молодежи, вырывавшейся из еврейского

местечка, советская власть «связана с городской культурой, с более широкими горизонтами жизни. Тем более что все, противостоявшее ей ... выглядело себялюбивым, самолюбивым, мещанским»[68]. Вежливую поправку Ю.Слѣзкина о том, что хотя евреи в силу традиции оказались и более подготовлены к индустриальным вызовам и достигли «триумфальных успехов», советский вариант выбора «начался с наибольшего успеха и обернулся наибольшим разочарованием», отклоним[69]. Над обобщение результата тех, кто перешагнул в первые месяцы пороги советских наркоматов, еще стоит поразмыслить.

Ранее мы наблюдали мотивы перехода этнических элит в советские структуры власти, публикуя их анкеты при поступлении в Наркомнац[70], важные сведения о социальном происхождении, образовании, опыте работы и революционной деятельности. На страницах редких воспоминаний описаны и личные искания. Плохо одетые, без денег, но не смущавшиеся этим, они покидали родной дом, селясь на задворках европейских столиц, пользуясь даровыми столовыми и пособиями. Там эти «нищие нигилисты» были жизнерадостны и любопытны. Они слушали лекции по естествознанию в Берне, по классической литературе в парижской Сорбонне, по социологии в Льеже, по философии – в Берлине. Вернувшись после 1917 г. в Россию, с одной стороны, они предстают как острые критики большевистских проектов защищая свои культуры. Но для многих важна и цель быть «признанными революцией». Их деятельность, с другой стороны, приходится делить на две неравные части по длительности и по их содержательной состоятельности. В первый период, наполненный контактами с теоретиками и практиками модернизма, многое, вызывая восхищение, уложилось в короткий период гражданской войны, но завершилось сдачей позиций с получением советской должности в автономии. И хорошо бы их заметили «вожди Октября», ключевые фигуры правящего режима, конечно, Ленин и члены Политбюро ЦК Л.Троцкий и Н.Бухарин, наркомы А.Луначарский и И.Сталин, из ЦК РКП (б) Н.Крупская и Е.Ярославский, в республиках Э.Квириг, Д.Мануильский и др. «Революция в равной мере дает право завоевать культурный центр и стать в нем ведущими творцами новой культуры местечковому мальчику из Прибалтики Эрмлеру и сыну крестьянина с Черниговщины Довженко, сыну архитектора из Прибалтики Эйзенштейну и сыну екатеринбургского слесаря Александрову. Революция освобождала их всех от обреченности на периферийность»[71]. С Н.И.Троцкой дружил И.Грбарь, например. Это же можно отнести и к А.Тахо-годи, воспитанному в Дагестане в семье М.М. Далгата, депутата Государственной думы IV созыва, председателя комитета по делам национальностей Госдумы, к А-З.Валидову, потомку религиозного рода из башкирской деревни Кузяново, М.Султангалиеву из другой башкирской деревни Елимбетово, С.-Г.Саид-Галиеву из рабочей семьи в Уфе, искавших себя в кабинетах Наркомнаца, в Кремле.

Сотрудничество Jakobsona с подотделом гуманитарных наук Отдела реформы школ было активным в сентябре 1918 г. в остром для Наркомпроса политическом моменте: работал Всероссийский съезд по просвещению. В обстановке покушения на Ленина, сошедшего с трибуны съезда, Луначарский уговаривал педагогическое сообщество принять документы по реформе школы: кардинально изменить содержание знаний, создать новую философию советской школы. Jakobson в этом формулировании черт «нового человека» участвовал «сдельно»[72]. В подотдел художественного развития учащихся Отдела реформы школ приходил Мандельштам[73], регулярно, так показывают архивные протоколы, посещавший заседания коллегии. Мандельштам в эти годы - активный участник построении «нового времени на новых правах». С именем поэта связан проект создания Центрального института ритмического воспитания: под сметой, выделявшей на его организацию 640150 рублей, стоит его подпись[74]. Сотрудник Наркомпроса С.Г.Вышеславцева свидетельствует об «ответственных заданиях» им, новым управленцам: «мы вдвоем <с Осипом Эмильевичем> ходили по району Остоженки и Пречистенки (Наркомпрос помещался возле Крымского моста), присматривая, какой бы нам реквизиовать старинный особняк, наиболее подходящий для организации в нем Института популярной в то время ритмической гимнастики по системе

Далькроза... Держались мы с Осипом Эмильевичем очень важно — как представители Наркомпроса, советской власти»[75].

Молодой Я.Э.Голосовкер, вынашивающий «Сказания о титанах» и «Логику мифа» добился в Наркомпросе учреждения юношеской гуманитарной академии[76]. Философ и психолог Г.Г.Шпет в 1920 г. вместе с Г.Челпановым предлагали создать на факультете истории и философии Московского университета кабинет этнической и социальной психологии.

Второй период растянут и воспринимается как сменяющие друг друга компромиссы и попытки самооправдания. Многие быстро разочаровывались в революции. Министр народного просвещения в правительстве А.Керенского, непререкаемый секретарь Академии наук востоковед С.Ф.Ольденбург обсуждал с А.Блоком общественно-политические, литературные и научные обстоятельства. Окончив поэму «Двенадцать», Блок писал: «Сегодня я – гений». Ольденбург в марте 1918 г. писал: «Вчера случайно имел возможность прочитать Вашу поразительную поэму “Двенадцать” ... То, что создали Вы, так удивительно, так дивно прекрасно, что мой глаз не может перечислить этих граней, которые блещут, сверкают, так их много». Так, вероятно, пишут, когда не хотят сказать правду в лицо. В записных книжках Блок заметил: «Каменева ... сказала Любе: ”Стихи Александра Александровича (“Двенадцать”) — очень талантливое, почти гениальное изображение действительности. Анатолий Васильевич (Луначарский) будет о них писать, но читать их — не надо (вслух), потому что в них восхваляется то, чего мы, старые социалисты, больше всего боимся”. Марксисты — самые умные критики, и большинство правы, опасаясь “Двенадцати”»[77]. Г.Иванов вспоминал: Блок перед смертью «бредил об одном и том же: все ли экземпляры “Двенадцати” уничтожены? Не остался ли где-нибудь хоть один? — “Люба, поищи хорошенько, и сожги, все сожги”»[78]. Но знаток скифской проблемы Ольденбург увидел глубинный смысл революции: «Эта Россия — скифов, тот третий удивительный мир, который для Блока и не Восток, и не Запад, а именно Россия»[79]. А.Н.Бенуа в дневнике 7 августа 1921 г. писал о Блоке: «Революция его загубила. Он не осилил ее. Как большинство интеллигенции, он считал своим долгом питать культ к ней, к революции, и застигнутый врасплох ее реальной сущностью, он опешил, а затем пришел в какое-то уныние отчаяния»[80].

Яфетическая теория Н.Я.Марра, с ее революционным порывом, масштабностью и дерзостью, соответствовала как пониманию Луначарским социокультурных парадигм времени, так и авангарду в целом. Выступая с первым политическим отчетом Наркомпроса перед высшим органом власти республики 26 сентября 1920 г. (на вечернем заседании III сессии ВЦИК 7 созыва, на которое пришел и В.Ленин), Луначарский отводил сотни критических стрел в адрес наркомпросовской продукции: а что у нас имелось? «Полторы страницы, написанные Марксом для Женевского конгресса, и несколько отдельных фраз в других сочинениях»?[81] Это было крайне сложное и творчески важное время с внутренней энергией воззваний, манифестов и прочих текстов модернистов, осмыслением контекста концепций. Взаимодействие с модернистами было непростым. Луначарский приезжал к Брикам после диспута в Политехническом музее «Поэзия — обрабатывающая промышленность». Маяковский был докладчиком, Луначарский — оппонентом.

Но поначалу Луначарскому «годились» модернисты всех направлений. Часть художественной и научной элиты не боялась быть востребованной властью. Блок и Маяковский питались идеями романтического антикапитализма, стремлением создать «народное» и даже «социалистическое» государство. Сделав восприятие политики центральной темой творчества, они работали над политическим содержанием новых смыслов. Концентрируя и конкретизируя политические цели с помощью творческих элит, в отделах Наркомпроса создавалась мифология нового советского человека, новой морали и т.д. С помощью геополитической терминологии конструировались новые, «сверхчеловеческие» модернистские идентичности. Использовалась социальная мозаика, в текстах декретов мелькали национализм, социальные права, равенство, синдикализм, анархизм, идеи «порядка»

и «сильной личности», их опыты с языком, деформация языка и грамматики, нагромождение слов, спешно передающих сиюминутные чувства, похожих на телеграфный текст.

Придумывание модернистами новых смыслов, отражавших будущее, их польза улавливалась новой властью. Иногда они брезгливо морщились, но понимали: так до народа лучше доходит. Генерал Ф.Я.Ростковский, поляк по рождению, оценивал действия новой власти: они «низводятся до непонятного уровня при непостижимой цели»[82]. Но обеспечивался выход в политическое пространство и быстрое растворение в нем. О.Розанова уточняла: «футуризм не коснулся стоеросового сознания большинства, повторяющего до сих пор, что футуризм — споткнувшийся прыжок»[83]. Но А.Крученых считал: «нельзя войну и драку смешивать с творчеством. Мы серьезные и торжественные, а не разрушительно грубые...»[84]. Эту ярость изгоя, как и готовность отвергнуть будетлян с их первоначальным замыслом строить единый всемирный язык, признал Б.Лифшиц[85].

Группа коммунистических футуристов 13 января 1921 г. (В.Маяковский, В.Мейерхольд, Д.Штеренберг, Н.Альтман и др.) определяла свои взаимоотношения с партией: «Являясь активной группой в отношении теоретической разработки, выявления и проведения в жизнь основ коммунистической и переходной к коммунистической культур, Комфут представляет собой внутри партии определенное культурно-идеологическое течение»[86].

Провокативность футуризма, призывавшего отказаться от духовно-культурных ценностей прошлого и созидать новые, оторвать прошлое от будущего неслучайно сделала его официальным течением в большевистской России. «Футуризм был одним из чистейших достижений человеческого гения. Он был меткой, — так высоко поднялось понимание законов свободы творчества. И — неужели просто не режет глаз — заметил-таки умнейший В.Шкловский, — тот шуршащий хвост из газетной передовицы, который сейчас ему приделывают?», осмысляя по «гамбургскому счету» меру ответственности[87]. Одной из футуристских групп, рассыпанных в первые революционные годы, является содружество будетлян МОМ (Молодые Окраинные Мозгопашцы) в Крыму в 1920 г. В крымско-татарский контекст вплетали будетлянские нити выпускник Царскосельского лицея и Петроградского университета (ученик И.А.Орбели) Л.Аренс (секретарь Крымского наробраза) и будетлянин Т.Чурилин. Последний ценил «русло ... нашей революции... когда я продрал глаза и на Маяковского... Я увидел его выходящим из наших новых лет, голого, как солнце», «с небывалой душой — ослепительно солнечно голой»[88]. В 1918 г. Арэнс пришел к Луначарскому секретарем коллегии в Наркомпросе.

Манифест Л.Аренса «Слово о полку будетлянском» высветил сложные отношения в «левом фронте». Споры формалистов раскрывали источники русского и европейского модернизма, их движущих сил развития, наполняя, в конечном счете, кабинеты Наркомпроса идеями и новой атмосферой. Но П.Сорокин увидел: практики речевой коммуникации заменяют «словесный фетишизм». В 1921 г. литературовед А.Горнфельд жаловался на «хлынувшие... неуправляемым потоком на русскую речь новшества, неправильности, уродства, нелепости». Слова «нарком», «чека», «комсомол», «Коминтерн» слепливались в политической практике из кусочков существующих русских слов[89].

Конечно, перед Луначарским стояла задача невероятной сложности. Может быть, более сложной и не было. Нужно было подвести наркомпросовских «заумцев» к проведению партийных указаний во всех культурно-гуманитарных сферах: образовании, библиотечном деле, книгоиздательстве, музеях, театрах и кино, клубах, охране памятников архитектуры и культуры, творческих объединениях и др.

И перед Сталиным стояла задача превращать этнокультурные ресурсы в подспорье пролетарской диктатуры на окраинах, включая и формируемые ее «штабы» этнокультурные силы. Одному из руководителей мусульманского комиссариата Наркомнаца Г.Ибрагимову, будущему классику казахской литературы М.Жумабаеву, многим шакирдам из Средней Азии, Казахстана, Кавказа, молодым писателям музыкантам и тюркологам пришлось не только прокладывать дорогу к культурным проектам, но и первыми осваивать их заманчивые, но опасные пространства. Г.Ибрагимов возражал против умаления достижений мусульманской

цивилизации: «Нам необходимо знать прошлое Востока, – подчеркивал он, – питаться его поэзией и мудростью. Настало время поставить гениев Востока рядом с классиками Запада»[90]. Энциклопедией классовой борьбы в татарском обществе станет его роман «Глубокие корни» (1928). Эмоциональный М.Гафури воспринял Октябрь как осуществление надежд татарского народа на равноправие с народами мира. В марте 1918 г. молодой писатель Ш.Бабич вместе с членами Башкирского правительства арестован большевиками и оказался в одной камере с А.З.Валидовым. 25 февраля 1919 г. приказом ВРК Башкортостана Ш.Бабич и молодой поэт, философ А.Иркабаев освобождены для работы в отдел печати Башревкома. В других этнических центрах формировались не менее эмоциональные группировки. В Тифлисе модернисты из «Голубых рогов» устами П.Яшвили заявляли: «“Первословие” наше ядовито, оно, как кипящая сталь, обожжет Ваше сердце!»[91].

Московский Наркомпрос походил на Содом и Гоморру. В организационном плане, когда гремели битвы гражданской войны, ближайшие помощники и советники Луначарского сосредоточились на организации высших звеньев администрации революционных столиц. Луначарский признавал: модернисты и на Украине наполнены новыми практиками, но ими нужно руководить, создавать отделы, подотделы, комиссии, включать в процедуры «громовой пропаганды». После поездки на Украину он получил письма В.Г.Короленко, призывавшего увидеть народ «не как среду, удобную для тех или иных экспериментов, а таким, каков он есть в действительности»: даже Махно «напоминает истинно мефистофельскую гримасу на лице нашей революции»[92]. С.Н.Ставровский, друживший с А.Малиновским (Богдановым), не жалел красок для описания событий, сопровождавших смену властей, описал и местный наркомпрос советской Украины: «Учебные заведения заваливались кучей циркуляров, требовавших немедленного (курсив док. - Т.К.) проведения разных реформ в советском духе. Выполнять все эти циркуляры не было никакой возможности, тем более что многие из них противоречили друг другу». Но атмосфера в структурах образования все же «достойная, независимая» в отличие от более поздних «хамских порядков в школе (1924-1925)». «Украинское правительство, как при Раде и при гетманщине ... их не трогало» и «до известной степени с ними считалось»[93].

Нарком «любовно» поддерживал творчество разных «заумцев», вдохновителей не только русского модерна, острейших полемистов и виртуозов эпатажа. С некоторыми отступлениями и окриками из Кремля он сохранял особый период живой истории и эволюции русского модерна, улавливая «пользу» новых влияний на сложнейшую ткань времени, но ее еще следовало политическую соткать. Поиски наркома будут влиять на содержание национально-культурной политики, способствовать или мешать ее практикам. Большое внимание отнимали неясности с ленинской теорией двух культур: тезисом о раздельном сосуществовании крестьянской и русской пролетарской, городской культур, пока этой «теорией» не «занялся» Сталин. Разбирая концепцию «азиатского ренессанса» М.Хвылевого, заметили на украинском материале результаты Г.Бабак и А.Дмитриев[94]. Коренизация, ставя задачу укрепить не только украинские культурные интересы в самом пролетариате, наводила на большие опасения: еще жива память о аресте М.Султангалиева, нервных письмах из Казани в защиту его, старых практик и традиций в республиках. В разных республиках возникали жалобы на «хозяина положения, который приучал нашу психику к рабскому подражанию». М.Хвылевой на Украине ребром ставил вопрос «Камо грядеши»? «Идеи пролетариата нам известны и без московского искусства... Даешь собственный ум! Прочь от Москвы!»[95]. Попытки Луначарского развернуть модернизм в некий советский Ренессанс уже не укладывались в политические задачи.

8–19 апреля 1926 г. в харьковском Доме ученых Б.Эйхенбаум читал лекции «Формализм и марксизм» об украинском модернизме, перенеся дискуссию на страницы журнала. Тот опубликовал украинский перевод лекции[96]. Участник дискуссии В.Бойко с позиций марксизма отобразил отношение к политико-идеологическому климату середины 1920-х годов. Автор, из украинской партии социалистов-федералистов, критиковал формализм, опираясь на статью Троцкого «Формальная школа поэзии и марксизм» 1923 г., где

тот назвал формальный метод «вспомогательным» и «служебно-техническим» по отношению к марксистскому литературоведению[97]. Статья прозвучала как сигнал к проработке формалистов. Используя авторитет Троцкого, автор предлагал усилить марксистский метод в политических практиках: «пока формалисты будут ограничиваться исключительно формальным анализом...их формальное сооружение неизбежно обвалится». «Примирение» двух школ — формальной и социологической не казалось успешным. «Правильным будет задать проф. Эйхенбауму... где и когда кто-либо из создателей марксизма и верных его теоретиков писал, что литература есть результат классовой борьбы в обществе? Нигде и никогда. Искусство родилось раньше классового общества - классовой жизни. Этим дается ответ на «коварный» (как думает проф. Эйхенбаум) вопрос: что будет с литературой в будущем бесклассовом обществе». «Правды не скроешь, формалисты в Советском Союзе не борются с марксизмом- резюмировал Бойко... Объективно формалисты являются безусловно врагами марксизма. Что делает их врагами? ... Формалисты становятся врагами марксизма своими общетеоретическими размышлениями, своими исходными философскими позициями»[98].

Формализму отводят место модельного отношения к последующим феноменам рецепции направлений «русской теории модерна», отодвигая их к сочинению песен, агитречевок, рифмованных лозунгов. «Поэт — только словоработник и словоконструктор, мастер речечовки на заводе живой жизни. Стихи — только словосплавочная мастерская, где гнется, режется, клепаются, сваривается и свинчивается металл слова», заключал С.Третьяков[99]. Изменения в обществе отражали распространение различного рода неологизмов, вульгаризмов. Они превращали в действительность слова и резолюции, поддерживая то коллективное поведение в годы революции, что П.А.Сорокин назвал «рефлексом свободы»[100]. Он опирался на учение И.П.Павлова о рефлексах. Павлов судил о «русском уме», опираясь на анализ прирожденных рефлексов, в Наркомпросе пытались понять роль воспитательных процедур, формировавших базовые особенности национального характера. Изданная Сорокиным в 1925 г. в США «Социология революции» соотносила коллективную рефлексию с социальным дискурсом.

Формалисты, хотя и отрицали политическое принуждение, видели скрытую власть его. В последнее время исследователи находят отражение реальных и релевантных контекстов в этнографической теории языка, например, Б.Малиновский рассматривает язык как тип человеческого поведения[101]. К.Леви-Стросс назвал такой подход биологизаторством культуры[102].

Под крышей Наркомпроса работали М.Шагал и сын главного раввина Москвы Якова Мазе, языковед С.Я.Мазе, с июня 1920 г. — член филологической комиссии еврейского подотдела. Сотрудниками исторической секции этого подотдела (еврейской исторической комиссии) был литератор Л.Ш.Левин-Липман, правнук могилёвского раввина Х.Смолянера. В научной секции историей еврейского просвещения занимались И.Д.Левин, его брат Илья Давидович и их отец Давид Герцович[103]. Б.А.Кац, из Виленской губернии, литератор, с мая 1920 г. возглавлял комиссию личных памятников (респонсов). В 1895 г. барон Г.Гинцбург приглашал его в Петербург, где тот при содействии известнейшего габраиста Д.Хвольсона три года был вольнослушателем на восточном факультете университета, затем издавал произведения Х.Н.Бялика для детей на проникающем в школьные классы иврите. С.С.Вермен из известного Могилевского клана ученых, писателей и художников, с мая 1920 г. возглавлял еврейскую историческую комиссию. Еврейскую историческую секцию Наркомпроса возглавлял известный и еврейский журналист и историк З.Гринберг, заместитель Луначарского[104]. Литератор А.Б.Вевюрка из Бунда, высланный из Англии, с июня 1920 г. заведовал внешкольной секцией. В его произведениях изображались то галицийские хасиды, предающие за большевизм Мессию польским жандармам, то в комедии «137 детских домов» изображен маленький советский Хлестаков из еврейского местечка (пьеса шла в Гос. Евр. Театре в Москве) и пр. Вевюрка стал активным деятелем еврейской секции МАПП.

Почти все они окажутся по разные стороны советских идеологических и академических баррикад, но в первые годы было еще совсем неясно, кто станет «гением», а кто «злодеем». Размежевания объяснялись не только национальным, но и реальным революционным контекстом. И тем, и другим европейский контекст был знакомой интеллектуальной средой. Немецкая психология и философия хорошо известны наркомпросовцам, их преподавали не только в немецких университетах, многие воспринимали их как «возможность проехаться и подышать западноевропейским воздухом»[105]. В Швейцарии конспектировала труды идеологов и теоретиков трудовой школы Н.К.Крупская[106], хотя их основательно изучали даже в Духовной академии в Петрограде, готовившей педагогов, их использовал в лекциях П.Ф.Каптерев, первооткрыватель глубинных связей психологии с педагогикой, уехавший после 1917 г. подальше от Крупской в Воронеж[107].

Блок характеризовал Луначарского «либеральным министром из очень нелиберального правительства, с приличной долей даже легкого как бы фрондирования. ... Конечно, стоны писателей дошли до его чуткого слуха ... но, к сожалению, никакой "весны" он, Луначарский, нам возвестить не может, потому что дело идет не к "весне", а совсем, напротив. Одним словом, ... рабоче-крестьянская власть разрешает литературу, но только подходящую. Если хотим, мы можем писать, и рабочая власть желает нам всяческого успеха, но просит помнить, что лес рубят — щепки летят»[108].

О применении новых смыслов и ресурсов культуры полной ясности не было. О программе лекций «История культуры мыслей» в предполагаемом Театральном университете А.Белый договорился с Луначарским. Но так и не встретился с О.Каменевой, в то время комиссаром Театрального отдела в Петрограде. Н.Я.Марр активно контактировал с заместителем Луначарского З.Г.Гринбергом и заведующей отделом по делам музеев Н.И.Троцкой. Те помогли передать Мраморный дворец его Академии материальной культуры[109].

Луначарский, намереваясь использовать не только литературные, театральные и др. «кадры» в политических проектах, не основательно разбирался в практиках формалистов, например, как разобрался в них формалист В.Шкловский задолго до М.Фуко и Ж.Делеза, но добивался собственных целей. Нарком открывал модернистам каналы доступа к социальным практикам, но взамен требовал политического эффекта. «Русский формализм» распространял влияние на более широкое поле действий, чем это виделось до 1917 г. самим Шкловским, О.М.Бриком и др. Но была и политико-прагматическая (практическая) сторона дела. Она определялась отношением к литературе как сфере учительной и мессианской, приватизировать ее неизменно стремились конкурирующие группы. Шкловский еще и дразнил, выстраивал иную линию развития и влияния: «каждая новая литературная школа — это революция, нечто вроде появления нового класса»[110]. Это и пугало, Паустовский вспоминал слова И.Бабеля: «Мопассанов я вам гарантирую», понятны опасения Луначарского амбивалентного смысла обещаний[111]. Литераторы-формалисты применяли практики символизма, обеспечивая политическую легитимность языковых ресурсов и их исторического опыта. Б.М.Эйхенбаум, Ю.Н.Тынянов, В.А.Каверин, В.М.Жирмунский работали в Институте истории искусств[112] над важными переключками в языках. Но за границей отношения у Якобсона, например, не складывались с первым историографом украинской философской мысли Д.Чижевским в понимании отличия русского просвещения от просвещения западного[113].

В «Сентиментальном путешествии» (1923) В.Шкловский отразил политически важные нюансы дискурса, выделив: Ленин «катил свою мысль как громадный булыжник; когда он говорил о том, как просто устроить социальную революцию, он сминал перед собой сомнения, точно кабан тростник»[114]. Ленинские установки задавали жесткие политические императивы культурным практикам «переформатирования» сознания и поведения человека. Луначарский в 1930 г. писал Н.Розенель: за границей предлагают написать книгу о Ленине: «Моя тема: Ленин, как тип гения и героя... Ленин как полный, новый и, так сказать, прозрачный по своему социально-психологическому строю тип гения»[115].

В 1922 г. появились «лефовцы». Маяковский, возглавив их, объезжал Армению, Грузию, республики Поволжья, главной задачей считая прямое участие в строительстве нового общества, преобразовании действительности, воспитании «нового» человека. Установки перенимали молодые творческие элиты в республиках. Поклонник В.Маяковского татарский писатель и поэт Адель Кутуй называл себя первым татарским футуристом. В 1922 г., полный творческих мечтаний, он приехал в столицу, в 1924 г. создал татарский ЛЕФ—СУЛФ (Сул фронт). 3 января 1928 г. с Маяковским в университетской Казани, столице Татарской АССР, встретились и два будущих народных поэта Чувашии – Николай Шелеби и Педер Хузангай. Создавались условия тем, кто включался в советские культурно-политические проекты.

С образованием новых республик вставали и более сложные задачи. Казань была местом притяжения тюрков. Литературные и публицистические идеи писатели адресовали всему тюркскому миру, не взирая на место проживания и сословные различия. Писателям пришлось делиться, например, на башкирских и татарских, чего не было до 1917 г. Началось и размежевание культурных ресурсов, борьба за получение положенных преференций[116]. В начале 1922 г. Маяковский в Политехническом музее на вечере «Чистки поэтов» отрубил: «... Многие остаются за бортом»[117].

Модернисты приблизили вождей большевизма к народу, применив приемы культурного творчества не только в технологическом смысле тиражирования творческих проектов, но в социальном производстве личности, ее когнитивной и ментальной структуры. Для этого почти вся исламская и еврейская инфраструктура к концу 1920-х годов атакованы и разрушены, уничтожены мусульманские и еврейские издательства, библиотеки, репрессированы священнослужители. Граница связывалась не столько с политической позицией, сколько с приемами[118].

В ранней советской культуре практики управления, предполагающие активное вовлечение людей в дискурсивное производство, сохраняли отношения господства и подчинения. Остроумно подметил В.Шкловский: «Великая русская литература — большое несчастье для современности. Потому что от нее ждут “большого полотна” и Кити Левину — комсомолкой»[119]. Луначарский и другие советские теоретики 1920-х годов (Л.Троцкий, Н.Бухарин, В.Фриче, Н.Крупская, М.Покровский и др.) сознательно направляли модернистов на идеологическую «нормализацию» масс. Маяковский этим выделялся особенно. Нелюбимый Лениным он, подлинный революционер, а не злой гений 1917 года, замахивался на «горние выси»: «Мы разливом второго потопа / Перемоем миров города!» Гений политической конъюнктуры Ленин этот «замах» оценил. Эти вознесения живьем на небеса, разговоры с богом, посягательства на творца – ему этот «Их марш» - подходит[120]. Он предвосхитил современных практиков коммеморации, переводя содержание ключевых идей в практическое русло, используя потенциал их таланта для политических задач в плакатах РОСТА для фронтов Гражданской войны, в картинках и текстах детских букварей[121]. «Ленин как деканонизатор» — назвал Шкловский статью о языке Ленина, в которой описывал речь, ломающую привычные контекстуальные связи, обнажающую новые отношения между словами и их понятийными смыслами[122]. «Ленина звали “раскалыватель”, действительно, он охотно шел на раскалывание явления, на выделение его»[123].

Возникающая инверсия между речевой формой осуществления власти и утверждением власти как целью отражала характерный для раннесоветской эпохи утопизм. Ощущения «несчастья в культуре» (З.Фрейд) и распада системы ее «силовых линий», как и протест против «окаменевшей концепции культуры» толкали к формированию новых форм. Политическое пространство наполнилось разнообразными фактами. Е.Замятин оценил направление политики: «Огромный корабль России оторвало бурей от берега и понесло в неизвестность. Никто, вплоть до новых капитанов, не знал: разобьется ли корабль вдребезги или пристанет к какому-нибудь неведомому материку»[124]. Но ставка в такой политике была больше самой культуры, больше того, кто должен был стать ею порождаемой фигурой[125]. Так или иначе 1920 годы – это время прихода новых имен из разных этнокультурных обществ,

время преобразования или рождения их, так и время становления единого советского пространства культуры.

Но со смертью Ленина, заметил в дневнике историк С.Б.Веселовский: «кончился ... иллюминационный период революции, когда первенство принадлежало людям с такой патологической напряженной волей, какой обладал Ленин».

В ранней советской культурной политике управленцы-практики воспринимались как «мыслительные коллективы», «обучали» ставить императивы пролетариату. Особо ценились выступления с ориентацией на острые социальные конфликты, духовный героизм и творческую энергию народа. Многие модернисты, те, кто стремился попасть в этот водоворот жизни, тянулись к рулю. «Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий, скрипучий поворот руля», — пишет Мандельштам в 1918 г. и это было, «возможно, единственной трезвой реакцией на события, которые потрясли мир и вскружили премного светлых голов»[126]. Р.Ивнев уточняет: с ним «творилось что-то невероятное ... Революция ударила ему в голову. ... Я никогда не встречал человека, который так бы, как О.Мандельштам одновременно и принимал бы революцию, и отвергал ее. Он был похож на заблудившегося ребенка»[127]. «Одна война проиграна, другая — мировая война — предстоит, а вы — маленький еврейский мальчик с сердцем, полным русских пятистопных ямбов», — почувствовал И.Бродский[128].

Массовые зрелища обладали «магической, творческой, зиждительной силой, открывающей человеку внезапно его самого, дающей ему заглянуть в самую глубину, до самого дна, его собственного существа и таким озарением перерождающей, поднимающей, оправдывающей его неясные инстинкты и тем самым сохраняющей для культурного развития те могучие, слепые силы, которые таятся в недрах человека»[129].

Протоколы заседаний ряда структур в Наркомпросе — литературно-издательского отдела, репертуарной секции театрального отдела, театрально-литературной комиссии, Художественно-репертуарного комитета и др. фиксируют участие формалистов, футуристов и пр. в определении пригодности тех или иных текстов для публикаций, т.е., в цензурирующей практике. В мае 1918 г. в ЛИО (литературно-издательском отделе) создан подотдел научно-популярной литературы, в сентябре — педагогический подотдел. ЛИО в 1919 г. преобразован в Госиздат РСФСР, взявший на себя издательскую политику. П.И.Лебедев-Полянский из кресла председателя Всероссийского совета Пролеткульта возглавил и Госиздат: вышло 115 названий классической литературы общим тиражом 6 млн. экз. Но А.Блок в дневнике резюмировал: «Весь вопрос в том, что из этого воплотится и можно ли воплощать сейчас, когда в воздухе — ужасное: тупое, ни с чем несравнимое равнодушие. „Публике“, кажется, уже ничего не нужно, она развращена, как никогда. „Народ“ кажется отовсюду азиатское рыло — страшные симптомы»[130].

Культурные продукты получались примитивными, не хватало умений тех, кто уходил в эмиграцию от активного содействия, не соглашаясь с политическим курсом. После скороспелых восторгов первых дней, они меняли привычное место жительства, стремясь вернуться из «революционного» водоворота. Кардинальная перекройка законов времени и пространства политическими декретами отчетливее выделила советский центр и поставила перед периферией вопрос об отношении к нему. Только в 1917-1922 гг. указания, распоряжения политико-директивного, организационного и прочего административного характера, касающиеся культурных ресурсов, их национализации, реквизиции произведений искусства, деятельности учреждений культуры, государственных органов, осуществляющих управление в сфере культуры, а также регулирующих положение в театральном, музейном, библиотечном, архивном и пр. деле составили свыше 900 советских декретов и постановлений[131]. На федеральном уровне политика ориентировала население на всеобщий энтузиазм и расцвет искусств. Ю.Тынянов в 1924 г., отвечая на вопрос: «Ну и что же дальше?», понимал: «И “что же”, и “литература” — совсем не такие простые понятия. Литература ... не поезд, который приходит на место назначения. Критик же — не начальник станции. Много заказов было сделано русской литературе. Но заказывать ей бесполезно: ей закажут Индию, а она откроет Америку»[132].

Самые талантливые отдалялись от Наркомпроса. 30 декабря 1921 г. Всероссийский Союз Писателей жаловался Луначарскому: «условия, в которые поставлена русская литература, привели к ее вымиранию ... Политическая цензура присваивает себе функции последнего судьи ... соединяя это высокое притязание с редким проявлением духовного сервилизма»[133]. В 1923 г. журнал «Леф» В.В.Маяковского и О.М.Брика снизил пафос своей роли в культурной политике Луначарского: «Мы не жрецы-творцы, а мастера-исполнители социального заказа»[134].

На I Всесоюзной конференции пролетарских писателей в 1925 г. оформилась РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей). В стремлении создать новую культуру представители РАПП третировали как «классовых врагов» практически всех писателей, не входивших в их организацию. Среди авторов, которые подвергались нападкам, были не только А.Ахматова и И.Бунин, но и такие «певцы революции» как М.Горький и В.Маяковский.

Несмотря на то, что революция скоро перестала выглядеть праздником, несмотря на голод, холод, очереди, модернисты провели множество дискуссий, диспутов, обсуждений, тиражировали призывы и манифесты. Ряд скептических интеллектуалов, чуждых и власти, и либеральной оппозиции, делали карьеру, упорядочивая области советского модернизма, творя их из спонтанно-мистической природы модерна выглядевшими полезными новым властителям[135]. Но к концу 1920-х годов советский модернизм завершился отставкой Луначарского, самоубийством Маяковского, “Охранной грамотой” Пастернака, отказом историков подвести честный итог модернистскому вкладу в строительство советской политики. Л.Рейснер принадлежит редкая по честности им оценка: они «написали потрясающее, безобразное и ни с чем не сравнимое в своей красоте лицо революции»[136].

Сноски/References:

1. Правда. 1918. № 156 от 27 июля; Известия ВЦИК. 1918. № 158; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6727. Л. 1; Горький М. О евреях. Пг.: Петроградский Совет рабочих и крестьянских депутатов. 1919.
2. Волошин М.А. Валерий Брюсов. Пути и перепутья. Очерки. СПб.: PublicDomain, 1912.
3. Там же.
4. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 182. Л. 50; Динерштейн Е. Становление издательской системы в РСФСР (1917-1921 гг.). М., 1969. С. 248–249.
5. Ходасевич Вл. Некрополь. М.: ПРОЗАиК, 2016. С. 461.
6. Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М.: Сов. Россия, 1968. С. 376.
7. Исхаков С. Русская революция 1917 года и турки Центральной Азии /// Туркестанская автономия (Туркистон Мухторияти). Создание и разгром. Сб. статей. [Электронный ресурс]. URL: <http://kh-davron.uz/kutubxona/tarix/turkestanskaya-avtonomiya-turkiston-muxtoriyati-sozdanie-i-razgrom-sbornik-statej.html> (дата обращения: 11.12.2014).
8. Юлдашбаев А.М. Заки Валиди и выдающиеся деятели Средней Азии // Проблемы востоковедения. 2009. № 1(43). С.73-80.
9. См.: Джумаев А.Б. Абдурауф Фитрат и его современники на «музыкальном фронте» Узбекистана (20–30-е годы) // Центральная Азия. 1997. №1 (7), с. 104–109; № 2 (8), с. 111–115; № 3 (9). С. 118–123; Джумаев А.Б. Открывая «черный ящик» прошлого // Музыкальная академия. 2000. № 1. С. 89–103.
10. Ермаков Ф. Творческие связи удмуртской литературы. Ижевск, 1981.С. 85.
11. Коровин К.А. То было давно... там... в России: Воспоминания, рассказы, письма. В 2 кн. Кн.1. М.: Русский путь, 2010. С. 774.
12. Богомоллов Н.А. Андрей Белый и советские писатели// Андрей Белый: проблемы творчества. М.: Сов. писатель, 1988. С. 321–322.
13. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. М.: Согласие, 1997.
14. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 51. Д. 180.

15. Свободный час. 1918. № 4. С. 16.
16. Артеменко Е.Б. Фольклорное текстообразование и этнический менталитет // Традиционная культура. Научный альманах. М., 2001. № 2(4)
17. Ивнев Рюрик. Дневник 1906-1980. М.: Эллис Лак, 2012.
18. См.: Воспоминания о Серебряном веке. М.: Республика, 1993. С. 273–278.
19. Рейснер Л. Против литературного бандитизма // Журналист. 1926. № 1.
20. Наше Наследие. 2005. № 74. С. 88, 92–93.
21. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М.: Роспэн, 1997. С.598–601.
22. См. Троцкий Л. Литература и революция. М.1991. С. 117.
23. Маяковский В. Юбилейное. (1924).
24. Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. XXI. Проблемы культуры. Культура переходного периода. М.; Л., 1927. С.328.
25. Проф. Анфимов В.Я. К вопросу о психопатологии творчества. В.Хлебников. В 1919 году // Труды 3-й Краснодарской клинической городской больницы. Вып. 1 / Краснодар: Издание Краснодарского горздравотдела. 1935. С. 66–73.
26. Аксенов В.Б. «Лунный пейзаж»: экологические образы Первой мировой войны в искусстве, публицистике, письмах и дневниках современников / Проблемы экологической истории / истории окружающей среды. Сборник статей. Вып.3. М., 2020. С. 197–201.
27. Новиков С. Г. Проектирование «нового человека» в Советской России 1920-х годов // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1, № 1 (57). С. 161–174.
28. Добренко Е. Русский Ницше (Рецензия на книгу: Rosenthal B. New myth, new world: From Nietzsche to Stalinism. University Park, 2002) // НЛО, 2004. № 3.
29. Чуковский К.И. Дневник 1901–1929. М., 1991. С.142.
30. Кантор В.Степун в Германии // Вестник Европы. 2001. № 3.
31. Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 198.
32. Ким М. П. О сущности культурной революции и этапах ее осуществления в СССР / Культурная революция в СССР. 1917 - 1965 гг. М. 1967.
33. Издание 1919 г. Комитета памяти В.М.Бонч-Бруевич (Величкиной).
34. Депретто К. Формализм в России: предшественники, история, контекст. М.: НЛО, 2015.
35. Сорокина М.Ю. Эмигрант № 1017: Роман Якобсон в московских архивах // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2016. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2016. С. 73.
36. Сорокина М.Ю. Указ. соч. С. 73—92.
37. Якименко Ю.Н. Академия художественных наук в контексте культурной политики (1921—1929). Дисс.канд.ист. наук. М., 2007. С. 220; Устав Государственной Академии Художественных Наук // Бюллетени ГАХН. 1927. № 6—7. С. 78.
38. Выпуск 1. Искусство народов СССР. М.: ГАХН, 1927. С. 5–6.
39. Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности. М.: ИРИ РАН, 2007.
40. Роман Якобсон. Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Б.Янгфельдта. М., 2012. С.66–67.
41. Цит. по: Сорокина М.Ю. Эмигрант № 1017... С.90–91.
42. Щербинин А.И. «Красный день календаря»: формирование матрицы восприятия политического времени в России // Вестник Томского государственного университета. 2008. №2(3). С. 54–58.
43. ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1513. Л. 2.
44. Вольный горец (Тифлис). 1920. 31 декабря.
45. Дневник историка С.А. Пионтковского. (1927–1934). Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. С.102.
46. Ентин Б. «Открытое письмо еврейских писателей» – первая публикация век спустя //

- Детали. 2019. 25 октября.
47. См.: Евсей Канчер. Из истории гражданской войны в Белоруссии в 1917–1920 гг. (по личным воспоминаниям, записям и документам) Фрагменты 5-й главы // Белорусская думка. 2010. № 1. С. 94. Публикация В. Скалабана.
48. Нефагина Г.Л. Модернизм в белорусской прозе XX в. // Дискуссия. 2012. № 3. С. 168–172.
49. Бабак Г., Дмитриев А. Атлантида советского нацмодернизма: формальный метод в Украине (1920-е — начало 1930-х). М.: НЛЮ, 2021. С. 355.
50. Крачковский И.Ю. Избранные соч. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. VI. С. 364.
51. Аминев В.Р. Герменевтический дискурс в компаративистских исследованиях // Уч. записки КГУ. Казань, 2007. Т. 149. С. 195.
52. Резолюции и пожелания, принятые Обще-чувашским национальным съездом, состоявшимся в г. Симбирск с 20 по 28 июня 1917 г. Симбирск: Типолитография Исполнительного Комитета, 1917. С. 16–24.
53. Бальмонт К.Д. Кровавые лгуны / Воля России (Прага). 1921. 22 мая.
54. Зайцев Б. Наш язык // Народоуправство. 1917. 7 декабря (№ 17).
55. Блок А. Дневник 1918 года // <http://blok.lit-info.ru/blok/dnevnik/dnevnik-1918.htm>
56. ГА РФ. Ф. Р-3802. Оп. 1. Д. 76. Л. 6—6 об.
57. Бальмонт К.Д. Кровавые лгуны / Воля России (Прага). 1921. 22 мая.
58. Смекалов И.В. Сожженный журнал Уновиса: "Вестник исполкома Московских высших государственных мастерских" (1920) // Искусствознание. 2018. № 1. С. 264–297.
59. РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 136. Л. 51–59.
60. Фрезинский Б. Илья Эренбург и спецслужбы (Россия, Франция, СССР. 1907—1953) // Звезда. 2017. № 8.
61. Окаянные годы. Революция в России глазами художника Ивана Владимировича. Альбом. London: Ruzhnikow Publishing, 2019. С. 12; Чуковский К. Дневник, 1901–1929. М.: Советский писатель, 1991. С. 260.
62. Баязитов А. Ислам и прогресс. СПб., 1898. С. 6.
63. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 283. Л. 73 – 73 об.
64. Правда. 1920. 23 апреля.
65. Луначарский А.В. Собр. соч. в 8 томах Т. 7. С. 489.
66. Солдатенко В. Донецко-Криворожская республика — иллюзии и практика национального нигилизма // Зеркало недели. 2004. 4 декабря. № 49.
67. Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. 1917–1918. Баку. 1957. С. 321.
68. Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи // Дружба народов. 2000, № 12.
69. Слёзкин Ю. Эра Меркурия. Евреи в современном мире. М.: НЛЮ, 2005. Цитата из аннотации к русскому изданию.
70. Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности. Октябрь 1917 – 1924. М.: ИРИ РАН, 2005.
71. Марголит Е. Они молчали до 1937 года // Лехаим. Апрель 2010. № 4(216).
72. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 67. Д. 114. Л. 1.
73. Нерлер П. Осип Мандельштам в Наркомпросе в 1918–1919 годах // Вопросы литературы. 1989. № 9. С. 275–278.
74. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 6. Д. 4. Л. 210, 234–235, 258, 291.
75. Вышеславцева С.Г. Поэт Осип Мандельштам // Санкт-Петербургские ведомости. 2001. 13 января.
76. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 6. Д. 4. Л. 166.
77. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 5. Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1993. С. 603.
78. Иванов Г. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М., 1989. С. 399.
79. Там же. С. 609.

80. Бенуа А. <О Блоке>. Из дневниковых записей августа 1921 г. // 2005. Звезда. № 8.
81. Литературное наследство. Т. 80. В.И. Ленин и А.В. Луначарский. М., 1971. С. 649–657.
82. Ростковский Ф.Я. Дневник для записывания. 1917-й: революция глазами отставного генерала. М.: Росспэн. 2001. С.495.
83. Гурьянова Н. Ольга Розанова и ранний русский авангард. М.: Гилея, 2002. С. 197–198.
84. Цит. по: Гурьянова Н. Эстетика анархии в теории раннего русского авангарда // Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н.И.Харджиева. — М.: Языки русской культуры, 2000. С. 92—108.
85. Чуковская М.Н. Воспоминания о Бенедикте Лившице // «Как трудно воскрешать в памяти события...» // Нева. 2010. № 8. С. 147– 152.
86. Катанян В.А. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. 1921
87. Шкловский В. Гамбургский счет. Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М., 1990. С.79.
88. РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 28. Л.1.
89. Горнфельд А. «Новые словечки и старые слова». Речь на съезде преподавателей русского языка и словесности, 1921.
90. Ганиева Р.К. Творчество Галимджана Ибрагимов в контексте западно-восточных литератур. К 125-летию Г. Ибрагимов // Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Түркі академиясы түркологиялық жинақ. Астана, 2012 — С. 691–700.
91. Советское общество в воспоминаниях и дневниках. Т. 8. Литературная жизнь СССР. СПб.: Нестор-История. 2017. С.39.
92. Цит. по: Негретов П.И. В.Г.Короленко: летопись жизни и творчества. 1917-1921. М.: Книга, 1990. С. 250, 252.
93. Ставорский С.Н. Черные годы, или «Bestiatrionphalis» (1917-1922) // Минувшее. 1993. № 14. С. 37-39.
94. Бабак Г., Дмитриев А. Атлантида советского нацмодернизма: формальный метод в Украине (1920-е — начало 1930-х). М.: НЛЮ, 2021. С. 355.
95. Хвильовий М. «Камо грядеши»// Культура і Побут. 1925. Ч.ч. 17. 20 і 23.
96. Эйхенбаум Б. Теория «формального метода» // Червоный Шлях. 1926. № 7-8. С. 182-207.
97. См.: Правда. 1923. 16 июля.
98. Василий Бойко. Формализм и марксизм // Неприкосновенный запас. 2020. № 135. С.73—92.
99. Третьяков С. Вызов. М.: Федерация. 1931.
100. Сорокин П. Социология революции. М.: Территория будущего; Росспэн, 2005. С. 45, 48, 380—381.
101. Малиновский Б. Научная теория культуры. — М.: ОГИ, 2005. С.15–176.
102. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. С.20.
103. См.: Историко-философский ежегодник—91. М., 1991. С.270—271.
104. Красовицкая Т.Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. М.: ИРИ РАН. 2002.
105. Гришина Н.В. «...Возможность проехать и подышать западноевропейским воздухом»: Взаимоотношения науки и власти в сфере заграничных командировок в 1920-е гг. // Вестник Томского госуниверситета. История. 2018. № 51. С. 28.
106. Н.К.Крупская – идеолог большевистской реформы образования / Труды ИРИ РАН. М.: Наука. 2005. Вып. 5.
107. Каптерев П.Ф. Об общем ходе развития детской природы // Воспитание и обучение, 1893. № 2. С. 61–70.
108. Ходасевич В.Ф. Белый коридор //Сегодня. 1937. 14, 28 ноября и 12, 19 декабря.
109. Глухова Е.В. Андрей Белый в проектах первых лет советской власти: Пролеткульт и Наркомпрос. / Арабески Андрея Белого. Белград: Филологический ф-т Белградского ун-та, 2017. С. 177 – 185.
110. Шкловский В. Розанов. Из книги «Сюжет как явление стиля». Издательство Опояз, 1921.

С.7.

111. Воспоминания о Бабеле. 1938. 1939, 1940. М.: Книжная палата. 1989.
112. Государственный институт истории искусств. Л., 1927. С. 38, 44.
113. Матвієнко С. Дискурс формалізму: український контекст. Львів, 2004. С. 199-200.
114. Шкловский В.Б. Собр. сочинений. Т. 1. Революция. М.: НЛО, 2018. с. 25; Калинин И.А. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. № 4. С.605.
115. Луначарский А.В. Человек нового мира: Сб. статей, речей, докладов, воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине. 2-е изд. М.: Изд-во АПН, 1980. С. 286.
116. Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т. 1. 1925 — июнь 1941 гг. М.: Росспэн. 2011.
117. Фурманов Д. Из дневника писателя. 1934. С. 45—46.
118. Замятин Е. О литературе, революции, энтропии и прочем [1923] // Замятин Е. Сочинения. М.: Книга, 1988.С. 573.
119. Шкловский В. Куда шагает Дзига Вертов //Он же. За 60 лет. Работы о кино. М.: Искусство, 1985. С. 79.
120. Мариенгоф А.Б. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги. М.: Варгиус, 2006. С. 205–207.
121. См., например, Арьес Ф. Время истории. М.: ОГИ, 2011.
122. Калинин И. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Энергия кризиса. М.: НЛО, 2019. С 226.
123. Шкловский В. Ленин как деканонизатор // ЛЕФ.1924. № 1. С. 55.
124. Новоселье. 1942. № 1. С. 39-40.
125. Е.Добренко выявил роль моделирующей формовки советского субъекта в целом. См.: Калинин И. Культурная революция, советский субъект и порядок дискурса // Логос.2019. Т. 29. № 2. С.222-231;
126. Бродский И. Сын цивилизации // Звезда. 1989. №8. С. 194, 195.
127. Краснящий А. Мандельштам и другие. Писатели в Харькове // Новый мир. 2016. № 10.
128. Бродский И. Сын цивилизации. С. 194, 195.
129. Казанский Б. Метод театра. Л.: Academia. 1925. С. 82–83.
130. Литературное наследство. Т.92. Александр Блок. Кн. 5 / РАН. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М., 1993.
131. См. Культура в нормативных актах Советской власти. 1917-1922. М.: ЗАО Юстицинформ, 2009.
132. Русский современник. 1924. № 1. С. 292-306.
133. Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды»: Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб., 1994.
134. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 12 т. М., 1959. Т. 12. С. 449.
135. Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание. М.: НЛО. 2013.
136. Рейснер Л. Против литературного бандитизма / Журналист. 1926. № 1.

ЎТМИШГА НАЗАР

5 ЖИЛД, 9 СОН

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

ТОМ 5, НОМЕР 9

LOOK TO THE PAST

VOLUME 5, ISSUE 9

Editorial staff of the journals of www.tadqiqot.uz
Tadqiqot LLC the city of Tashkent,
Amir Temur Street pr.1, House 2.
Web: <http://www.tadqiqot.uz/>; Email: info@tadqiqot.uz
Phone: (+998-94) 404-0000

Контакт редакций журналов. www.tadqiqot.uz
ООО Tadqiqot город Ташкент,
улица Амира Темура пр.1, дом-2.
Web: <http://www.tadqiqot.uz/>; Email: info@tadqiqot.uz
Тел: (+998-94) 404-0000